

Анна Лапина

Беременная невеста на 8 марта

«Литнет»

2023

Лапина А.

Беременная невеста на 8 марта / А. Лапина — «Литнет», 2023

— Ты, — хватает он меня за руку и тащит меня куда-то. — Ты будешь играть роль моей беременной невесты для моих родителей. — Но... — открываю рот, чтобы ответить ему, но замираю, когда вижу чету Есенских. — Нет! Я не буду этого делать! Ни за что! — вырываю свою руку из хватки Давида. — Пошёл к чёрту и к своей семейке! Ненавижу! — Алёна, либо ты это сделаешь, либо сегодня же я пишу заявление о том, что ты меня похитила из клиники и насильно держала за городом, — прищуривается, угрожая. — Ну и пусть! Мне плевать, — важно заявляю. — А вместе с тобой я посажу всех, кто причастен к этому делу, — продолжает он и, перейдя на шёпот, добавляет. — Как думаешь, твоя беременная младшая сестрёнка перенесёт ещё одно обвинение? И на сколько её посадят? — хмыкает отец детей, которых я ношу под сердцем.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1

Алена

В который раз проверяю телефон и время посещения абонента в мессенджере. И всё чаще у меня появляется подозрение, что у моего парня есть второй номер. Иначе почему он заходит в сеть лишь вечером на пару минут, чтобы ответить мне и прислать сердечко и какой-нибудь комплимент? Он просто отвечает и сразу пропадает.

А ещё у него появилась другая девушка. Потому что про меня, лежащую в больнице на сохранении, он вовсе забыл. Даже обидно. Ещё неделю назад бегал за мной и бесил, а сейчас резко пропал.

И если ещё недавно я бы с радостью от него избавилась, то в данный момент всё иначе. Я люблю его.

— Мне кажется, он меня разлюбил! — заявляю Марине, разделяющей моё пребывание в клинике.

Марина — одна из моих родных сестёр. У меня две родных сестры, куча двоюродных и две троюродных.

Марину и Арину мои родители удочерили, когда те были ещё малышками. И хоть разница в возрасте у нас есть, и она видимая, я довольна близка ментально и эмоционально с одной из приёмных сестёр, вторую же люто ненавижу.

И дело не в том, что мы не сходимся характерами, взглядами на жизнь и прочим. Арина та ещё стерва и мегера, которая вечно дел наворотит, а потом мама с папой решают её проблемы. Именно из-за неё беременная Марина сейчас в больнице. Ну, а я, начав переживать за любимую сестрёнку, быстро легла рядом. Нам крупно повезло, что мы обе в положении, что сроки примерно одинаковые, и владелец клиники близкий друг отцов наших детей. Поэтому мне удалось уболтать его и попросить положить нас в одну палату.

Не люблю делить своё пространство с кем-нибудь, кого не знаю и кто мне не близок. А Марина — мой ангелочек темноволосый, ради которого я всё сделаю.

Мара, к слову, ждёт ребёнка от Тимура. Он мой двоюродный брат. И хотя по факту между Марой и Тимуром ничего быть не может, потому как на бумаге они брат и сестра двоюродные, никого вокруг это совсем не волнует. Ну, и меня тоже. Родители не против. В семье никто про это не говорит. Так что всё нормально. Да и, по сути, они никто друг другу. А значит, никто не нарушает никакие биологические законы и правила.

Я же беременна от лучшего друга Тимура. Только вот в тот момент, когда мы переспали, я не знала об этом. Я просто наняла его агентство для расследования хищения средств со счетов фонда. Только недавно я узнала, что сделала это Арина для своего любовника. Но пока это выяснилось, мы часто сталкивались с Давидом Есенским, владельцем агентства, и постоянно с ним собачилась. Но... в итоге я оказалась в положении от него.

Но я совсем не жалею, что выбрала его на роль отца своего ребёнка. Ведь начав общаться с ним ближе, я узнала его лучше. Он весёлый, авантюрный, харизматичный и кажется простым балаболом, но когда возникает беда, Давид из мальчишки превращается в настоящего мужчину. Серьёзного, целеустремлённого и готового рвать всех на куски.

Безумно интересный человек и любимый мужчина — он тот, о ком я могу только мечтать. Да, мы ссоримся, и у нас тысяча претензий друг к другу, но всё потому, что мы ещё не научились уступать друг другу. Только ступили на эту сложную дорожку.

— Не разлюбил, — успокаивает меня Мара.

— Почему он тогда ко мне не приезжает? Даже не звонит! — спрашиваю её, начиная даже себе казаться нытиком. — Сообщения только дурацкие присылает о любви. А я ведь

соскучилась по нему и его голосу, — признаюсь чуть ли не со слезами на глазах. С этой беременностью я стала гиперэмоциональной. То реву, то смеюсь без остановки.

— Он же написал, что занят.

— Но Тимур-то к нам приезжает, несмотря на то что занят, — говорю ей и мысленно представляю, как Давид с другой обнимается.

— Ну... просто...

— Давид хочет меня бросить, — вздыхаю, а в голове уже картинки, как он другой девушке предложение делает, а я вбегаю с дробовиком и убиваю его. Девчонку не трогаю. Она не виновата. Хотя... — Мар, он хочет меня бросить! Как я буду без него? Я же его люблю! И наших малышей люблю! — сжимаю руки в кулачки. — Я становлюсь похожей на ноющую от отношений бабу! Фу! Не хочу такой быть! Но он, гад, заставляет! — бью кулаками по кровати от бессилия.

— Тук-тук, — буднично произносит Тимур и входит в палату с гостинцами для нас двоих.

Мой брат тот ещё красавец и очаровашка. Именно этим он Мару и взял. Туговат немного, конечно, но, к несчастью, все Громовские мужчины нашей семьи таковы. На моих глазах папа узнавал, что я его дочь, а потом Егор, младший брат моего отца и папа Тимура, узнавал о своём наследнике. Сара, жена Егора, ему прямо в лоб о сыне говорила, а он... В общем, долго доходит до наших мужчин. Это что-то в генах.

С Давидом мне повезло. Он почти сразу понял, что беременна я от него. Оказалось, что я ему сразу приглянулась, и он своим ребятам сказал присматривать за мной. Не удивлюсь, что они не только присматривали, но и женихов от меня отгоняли.

— Скажи своему другу, что это не он меня бросает, а я его! — заявляю Тимуру, рыча и шипя на него.

— Алён, — Тимур отдаёт своей жене цветы и опускается на край моей кровати. — Тут такое дело... кхм... я не знаю, как сказать.

— Что? — с вызовом кидаю. — Не ожидал, что я догадаюсь? Я вам не дурочка! Я всё понимаю!

— Нет, Алён, — вздыхает он и берёт меня за руку. — Твой отец просил тебя не беспокоить, и мы кое-что от тебя скрыли. Пока новости не придут.

— Что скрыли? — напрягаюсь. — Что он меня бросил?.. — кажется, эта мысль меня уже не пугает. А вот выражение его лица — очень.

— Помнишь тот день, когда вы здесь оказались? — спрашивает он.

— Помню! Последний день, когда я его видела и слышала, — тяжело дышу и почти что шиплю на брата.

— В общем, на нас Арина в тот день напала, — говорит он, и у меня дыхание пропадает. — Давид меня спас, но сам под машину попал.

— Что?! Он умер?! — вскакиваю, сделав глубокий вдох и забыв, как выдыхать.

— Нет! Слава богу, нет!

— Он в коме?!

— Уже нет! — мотает он головой и даже пытается улыбнуться. — Это я тебе с его телефона писал. Давид сегодня в сознание пришёл. И я сразу к вам, чтобы сказать.

— Что?! Где он? — поднимаюсь на ноги, готовая сорваться и бежать к своему мужчине. — Я хочу к нему!

— Двумя этажами выше, но... — начинает он, но я, услышав необходимое, уже бегу к нему.

Целую неделю! Всю неделю от меня скрывали то, что мой мужчина находится на грани жизни и смерти.

Ну я им устрою! Но это потом! Вначале я должна его обнять и поцеловать. Сказать, что люблю, и накричать, что посмел под машину попасть, когда я лежу в больнице и целыми днями жду его.

Знаю, что глупо! Но убить его хочу! Или задушить в объятиях.

И если бы в тот момент, когда Тимур говорил номер этажа, я задержалась хотя бы на мгновение, то узнала бы, что мой мужчина, может быть, уже и не мой...

Со всех ног и сил несусь на этаж травматологии, где лежит отец моего ребёнка. Бегу, боясь не успеть, потерять что-то.

В душе ужасное чувство, что что-то происходит, и если я остановлюсь хотя бы на одно мгновение, я потеряю что-то. Что-то важное и значимое для себя.

— Есенский, — запыхавшись, называю медсестре имя своего мужчины. — Давид. Где он?.. — пытаюсь отдышаться и прервать микроинфаркт от всех новостей.

Почему родители от меня решили скрыть, что мой мужчина попал в аварию и был без сознания? Сейчас я чувствую себя настоящей предательницей из-за того, что спокойно жила, пока Давид был без сознания и нуждался во мне.

С одной стороны, я понимаю, что всё, вероятнее всего, из-за Арины. Эта гадина решила не только Тимуру и Маре жизнь испортить, но и мне с Давидом.

Точно у человека нет мозгов!

Я лично её придушу. За все её грешки. Мало того, что из фонда деньги увела, кредит повесила на себя, который родителям пришлось оплачивать, Мару сдала в полицию, её же и меня в больничку отправила, так теперь ещё и Давида мне на больничную койку уложила.

Гадина! Злости на неё не хватает.

— А вы кто ему, девушка? — интересуется медсестра, переложив истории болезней из одной руки в другую.

— Невеста! — отвечаю, вытирая слёзы. — Где он? Скажите, где мой жених? Мне нужно срочно его увидеть.

— Ещё одна невеста? — хмыкает женщина, оглядев меня. — Молодец парень. Седьмая палата. Но у него там... — начинает она, но я уже не слышу.

Лечу к палате с чётким желанием прыгнуть в его объятия и услышать его фирменное “Детка, не трать моё время на обнимашки. Лучше целуй. А ещё лучше...”

Тянусь к ручке приоткрытой двери, но замираю, услышав в палате Давида чужие голоса. Вглядываюсь в щель и вслушиваюсь в разговор.

— Сынок, всё наладится, — говорит какая-то женщина, поглаживая Давида по голове. — Врач говорит, что скоро память вернётся.

— Не переживай ни о чём, — звучит уже мужской голос, но его обладателя я не вижу. — Мы будем тебе напоминать обо всём. Обо всём, что ты забыл.

Забыл?..

То есть он не просто под колёса машины попал, но и память потерял? Интересно, а что именно он забыл и сколько помнит? Он меня помнит? А то, что предложение мне сделал? А то, что наши с ним дети в моём животе уже растут?

— Да я, в принципе, всё помню, — пожимает Давид плечами, оглядев всех собравшихся в палате глазами. На голове же красуется повязка из бинта. — Я живу на Пролетарской в...

— Ты продал эту квартиру семь месяцев назад, — перебивает его отец напряжённо и задумчиво. — А деньги вложил в ремонт квартиры в новом жилом комплексе.

— Мы тебе с папой там квартиру купили. Большую. Просторную. Где будешь жить ты, твоя невеста, и ваши детишки расти будут, — ласкает мама Давида голосом, и даже улыбка на моих губах возникает.

Он рассказал им про меня. Не познакомил ещё, но уже рассказал. И про наших двойняшек или близнецов. А это значит, что они приняли меня и нашу с Давидом семью.

— Да какие дети, мам? — фыркает Дава, и улыбка медленно сходит с моего лица. — Я не против, но...

— Ты этого не помнишь, но у тебя невеста в положении, — мягко напоминает ему Есенская.

Слова и тон женщины не могут меня не радовать. Это значит, что она на моей стороне.

— Да? — удивляется он. — И как её зовут?

— Ирочка.

Ирочка?.. Меня Алёна зовут.

— Ира Назарова? — переспрашивает Давид с ухмылкой. — То есть я всё-таки её закадрил, — довольно хмыкает. — Хорош мужик! Я даже в себе не сомневался.

— Чего?! — шепчу, не веря своим ушам.

— Нет, Ирочка Леонова, — отвечает его мать, а я уже почти ничего не слышу. — Мы уже с ней договорились, Давид. Не волнуйся ни о чём. Свадьба будет, как выздоровеешь. Чтобы не позорить девочку. Живот растёт как-никак.

— Мам, да не хочу я жениться, — в привычной для себя манере принимает новость в штыки, услышав расклад жизни, который в корне не соответствует его представлению. — Я её не помню!

Вот-вот! И я её не помню!

Но я помню сотню фильмов, где главного героя родители хотят женить на выгодной партии для бизнеса.

И я этому произойти не позволю!

Давид мой мужчина и отец моих детей, а на остальных мне плевать. Если у этой Ирочки дети и правда от моего Давидика, то пусть алименты платит, но пока память не вернётся, я не отдам его ни на растерзание непонятно откуда взявшейся невесты, ни его собственным продуманным родителям.

Я бы могла поверить, что у Давида есть кто-то помимо меня, если бы мы всё время не проводили вместе. Даже мои родители уже свыклись с фактом, что Есенский новый член нашей семьи. Папа даже в труселях его уже видел, а это явный намёк на серьёзные намерения.

И как мне проверить всё это? Оградить его от влияния родителей и псевдоневесты? Это невозможно! Они мне просто так не поверят и всё равно на этой Ирочке Леоновой женят.

Хм-м... Есть вариант. Но он безумный, и меня точно все за него убьют.

Я украду Давида из клиники! Да!

И отвезу куда-нибудь, где его не найдут, пока память не вернётся. А там он сам решит, на ком жениться — на мне или на Ирочке своей.

Хотя я знаю, куда его отвезти. К человеку с медицинским образованием, который сможет присмотреть за Давидом, пока он не придёт в себя.

Но одного врача будет мало. У нас будет их двое! Моя троюродная сестрёнка и лучший друг Давида — Глеб. Правда, он гинеколог, но врач ведь.

А ещё мы двух зайцев убьём. Хорошие гинекологи на вес золота и должны быть в семье. Подкинем Глебчику пару в виде моей сестрёнки врача.

Алёна

— Вы сюда? — интересуется, вероятнее всего, отец Давида, выйдя из его палаты со звонящим телефоном в руке.

— Нет! — отвечаю, пока он меня с сомнением разглядывает. — Я... я здесь это... хожу, смотрю.

— В отделении травматологии? На сломанные части тел? — уточняет, и ему моя версия не нравится от слова совсем.

— Ну знаете, у беременных свои причуды, — очерчиваю живот с улыбкой и ухожу в сторону медсестры, планируя незаметно узнать состояние Давида и отвести от себя подозрения Есенских.

Но женщина за постом, оглядев меня и заметив синий браслет на моей руке, означающий, что я из отделения гинекологии, даёт мне воды и отсылает обратно, прося успокоиться и не волноваться за мужчину. Всё с ним будет хорошо. Память вернётся скоро. Это нормально при сотрясении. И кормит меня дальше успокаивающими байками.

Только если потеря памяти — это нормально, то попытка его родных воспользоваться его состоянием — совсем ненормально. Он, когда вспомнит, уже на этой врушке будет женат, а рядом будут бегать не наши с ним дети.

Ну уж нет! Я сотню раз такое видела! И на опыте своих близких видела. Да ну в баню! Я за своё счастье сражаться буду.

Аккуратно, незаметно для всех ворую рядом стоящую инвалидную коляску. Присваиваю себе и занимаю на какое-то время.

Дожидаюсь, пока Есенские выйдут из палаты сына, прощаясь с ним. Жду, пока в коридоре не будет свидетелей, и, надев на себя халат и маску, иду в палату к Давиду.

— Опять уколы, — вздыхает он, увидев меня. — У меня уже все ягодички в дырках. И это только за сегодня, — изображает из себя страдальца.

— Мы на прогулку, — отвечаю ему, с трудом сдерживая слёзы от его бледного вида и скул, которые стали ещё острее. Привезу его к Фиске, буду кормить до отвала, пока прежнюю форму себе не вернёт. Страшно смотреть на него.

— Правда? — улыбка на его губах возникает. — Слава богу! Нормальная больница. Я думал, меня здесь будут до конца лечения держать, как тепличный цветок, а оно вот как. Хорошо! Мне нравится.

— Ну так Кудиновым принадлежит, — пожимаю плечами и думаю, как его на коляску перетащить. Поднимать тяжёлое мне нельзя. Глеб потом убьёт. — А вы не могли бы сами на коляску как-то? Я в положении, — указываю на живот.

— Конечно. Поближе только подставь, — отзывается он, и мне даже смешно становится.

А если бы его не я похитить решила? Он бы так просто в руки похитителей сдался? Помогал бы им? Ой, дурак доверчивый! Но джентльмен, как всегда. Даже через боль помогает девушкам.

Аккуратно и неторопливо он размещается на коляске, а я перед ним, надевая на ноги тапочки. Что именно у него, не знаю. Гипса нигде нет. И лишь на голове бинт и на колене одним.

— Надо позвонить Глебу, — объявляю и встаю на ноги, принявшись рыться в телефонной записной книжке.

— Какому Глебу?

— Кудинову.

— Зачем?

— Ну... разрешения спросить, — хмыкаю, подмигнув Давиду.

— У гинеколога? — с сомнением уточняет. И я ещё больше убеждаюсь, что видела Есенского-старшего в коридоре. У него такие же вопросы были и выражение лица. Точь-в-точь.

— Ну... как бы... Мне надо позвонить! — решительно заявляю и в сторону отхожу, чтобы он ничего не услышал. Благо номер ведущего мою беременность врача у меня есть.

— Да, — отвечает Кудинов.

— Я у Давида, — оглядываюсь на Есенского и перехожу на шёпот, пока тот пытается штаны на себе поправить. — И я его похищаю из больницы...

— О господи! Сумасшедшая! — вздыхает он. — Прямо как Давид. Невесту себе под стать выбрал. Неудивительно.

— Ну? Ты идёшь? — спрашиваю его.

— Куда?

— Помогать, — восклицаю, но вовремя вспоминаю про больного за моей спиной. — Ты мой гинеколог, и ты сам сказал, что, если мне нужна будет помощь, я могу к тебе обратиться. А коляска тяжёлая! Я не могу её сама везти. Мне помощь нужна.

— О господи! И за что мне такое счастье? — стонет он на том конце трубки. — Пока ничего не делай, Алёна. Я сейчас отцу позвоню и сестре.

— Зачем?

— Затем, что он с сотрясением, — возмущённо оповещает. — Его нельзя транспортировать куда-либо без необходимых анализов и результатов. И вообще никуда нельзя перемещать.

— То есть... может не получиться? — расстраиваюсь.

— Я бы рекомендовал его в клинике оставить, даже несмотря на то, что прошлые анализы были более-менее, — честно говорит мне, и я с ним согласна, потому что знаю, каково это, но с другой стороны, в лапы врунам я его тоже отдать не могу. — Но ты ведь упрямая, как и он. Если не я, то сама выкрадешь. С тобой поеду. Надо медсестру нанять, чтобы присматривала за ним.

— Не надо медсестру, — вновь наполняюсь надеждой. — У меня сестра врач. Она за ним будет смотреть.

— Ладно, — кидает он и отключается.

— Ну что там? — привлекает моё внимание Давид. — Разрешил мне гинеколог на прогулку поехать?

— Он сейчас у папы спросит, — оборачиваюсь к нему с улыбкой.

— У детского врача? — и вновь в его глазах сомнение.

— Боже, ты чего такой вредный, Давид? — стягиваю с себя медицинскую маску. — Молчи и жди! Ради тебя стараюсь. Спасибо потом скажешь.

— Ого, какие здесь бойкие медсестрички, — играет он бровями и по мне взглядом проходится. И я знаю этот взгляд. Сейчас клеить меня начнёт.

— Даже не думай на других медсестричек смотреть, — наклоняюсь к нему и прищуриваюсь. — Бубенцы оторву. Ясно?

— Ясно, грозовая тучка, — хмыкает и кидает взгляд на дверь.

— Всё отлично, — заявляет Глеб, войдя в палату с картой на имя Давида Есенского. Открывает её на каких-то страницах и фотографирует. — Назначение врачей, — отвечает он на наш с Давой немой вопрос в глазах. — Алён, ты отдаёшь отчёт своим действиям? Понимаешь, какие будут последствия?

— Да. Я готова, — вздыхаю решительно.

— Давид, подпиши здесь, — даёт Глеб Есенскому какие-то бумаги. — Я переведу тебя на домашнее лечение.

— С этой медсестричкой? — вздёргивает бровь, кивая на меня.

— Ага, — нехотя вздыхает Кудинов, недовольный тем, на что его подписывают. — Под моё наблюдение и ещё одного медика.

— Я пока позвоню Маре, — оповещаю мальчиков, послав всем воздушный поцелуй.

Давид мой! Родителям и невесте его не обмануть.

— То есть её тоже выписываем? — уточняет Глеб.

— А можно?

— Да я собирался вас ещё позавчера выписать, но Тимур попросил пока этого не делать, — оповещает нас о втором грехе моего брата. — Звони давай.

— Звоню.

— Господи, во что я ввязываюсь! — стонет Кудинов. — Зачем я вообще познакомился с этой семейкой? Ни минуты покоя!

— Ты мне потом ещё спасибо скажешь! — заявляю и глаза закатываю из-за поведения этого неблагодарного. Я ему в качестве благодарности за помощь сестрёнку свою в жены отдам, а он так себя ведёт. Это он ещё счастья своего не знает!

Алёна

На двух машинах, одна из которых — медицинский автомобиль клиники Кудиновых, едем в пригород, где живёт Анфиса, наша с Мариной и Тимуром троюродная сестра.

Не сказала бы, что мы близко общаемся, но она безумно добрая и, если нужно, непременно выручит. Помню, даже приютила у себя женщину, у которой дом сгорел. Потом билеты на самолёт оплатила до её тётки. И это не единичный случай.

В её посёлке она известна тем, что лечит всех зверушек, которых ей приносят. И чаще всего бесплатно. Детишки приносят ей всяких котят, пёсиков и различную живность, которую где-либо находят. А потом помогают в её личном питомнике-гостинице, убирая в клетках, давая воды зверушкам, тем самым по мере сил оплачивая то, что их подопечного лечат.

В общем, Анфиска у нас ангелочек, а не сестра. Жаль, что живёт не в городе, иначе бы чаще общались.

— Вы могли чуть раньше сказать, что приедете? — спрашивает она, когда мы приезжаем. — Я не успела ничего приготовить и прибраться даже. В клинике запара, — жалуется она. — Сама поесть не успеваю.

— Я что-нибудь быстро приготовлю, — отвечает Марина, пока Тимур и Глеб Давиду помогают из машины в коляску пересесть. В принципе, он и без коляски может передвигаться, но у него в колене кровь была, и ему нельзя сейчас напрягать ногу.

— Что с этим? — кивает Фиска на Есенского.

— Это мой жених, — сразу предупреждаю её, чтобы и не думала на него засматриваться. Тимурчика она не тронет, ибо брат. А вот Глеба пусть забирает. Я даже его лично упакую и бантиком украшу ей. — У него память пропала. Нам надо где-то спрятаться. И чтобы рядом всегда был врач. Вот мы к тебе погостить и приехали. Всё по дому на себя берём, а ты, главное, за Давидом моим присмотри.

— Эм-м... — оглядывает она его, а потом переводит на нас взгляд и несколько раз растерянно хлопает длинными ресницами. — А ничего, что я ветеринарный врач?

— Но врач же ведь, — дарю ей улыбку натянутую.

— Боже, Алёна, — качает головой и смеяться начинает. — Ты уникал. Ты знаешь?

— Знаю, — закатываю глаза на её заявление. — Ну, присмотришь?

— Конечно, — вздыхает. — Тем более что обезьянки моя специальность. А человек мало чем от них отличается. Будет даже интересно изучить его травму и потом провести параллель с моими подопечными, — отвечает, уже строя планы на моего жениха. Но такие планы мне нравятся даже. Во-первых, у моего жениха будет врач, а во-вторых, он для неё будет просто объектом изучения. — Но нужен и нормальный врач, Алёна. Я могу следовать рекомендациям медиков, но сама никаких серьёзных решений принимать не буду. Предупреждаю!

— Глеб врач, — указываю ей на парня, который уже отвез Давида в дом и теперь идёт в нашу сторону.

— Гинеколог, — добавляет Марина так, словно бы это важно.

— А его врач лечащий где?

— Мой отец будет приезжать, — оповещает всех Кудинов, чем шокирует всех. А что если он сдаст наше местоположение, и тогда родители Давида найдут нас? — Мой дедушка был нейрохирургом и часто вместе с папой продумывал операции, — повествует он. — Поблизости есть клиника, в которой можно сделать МРТ и другие диагностические манипуляции?

— Есть. В паре километров, — отвечает ему Анфиса. — Но МРТ, УЗИ, КТ можно и в моей ветеринарной лечебнице сделать. Я специализируюсь на лечении обезьян, и у меня есть

всё необходимое для исследования даже крупных видов. Если подойдёт — то клиника в двух минутах.

— Обезьяны? — выгибает бровь Кудинов, явно заинтересовавшись той, кому я ему в пару намерена выдвинуть.

— Моя любовь с детства. Я даже развожу сейчас один вид, — загорается она, как всегда, рассказывая о своём деле. — Но в городе для обезьян плохая атмосфера, поэтому мы с ними живём здесь. И папа клинику помог открыть пару лет назад хорошую. Всякие экзотические виды принимаю. Но в основном лечу понемногу кошек и собак.

— Хм-м... довольно интересно, — делает шаг к ней, и я замечаю в его глазах интерес. — Расскажешь потом?

— Да! И покажу! Я выявила такой интересный и забавный факт в поведении обезьян на основе своих наблюдений — просто пушка. Но всё потом! — чуть ли не хлопает в ладони.

— Да, — кивает он, подарив ей улыбку. — Вот его назначения. Все медикаменты у тебя на кухне. Вечером привезу ещё. Ногу в покое держать нужно, и отец сказал, чтобы он меньше вставал. Пусть лежит. Никакого телевизора, телефона. В основном отдых. В случае чего сразу звонить мне.

— Я буду читать ему книги, — успокаиваю Кудинова, погладив по плечу, с трудом сдерживаясь, чтобы обнять его.

— Ох, девочки, — вздыхает он. — Есенские вас всех возненавидят точно. Одна покалечила, вторая похитила. Третья помогает второй...

— Ты его похитила?! — округляет глаза Фиска.

— Формально — нет, но да, — отвечает Глеб, явно подставляя меня перед сестрой.

— Анфис, не выгоняй! — молю её, шмыгнув носом. — Правда, надо его немного у тебя спрятать. Его родители — звери! Хотят воспользоваться его состоянием.

— Ох, — вздыхает. — Мы сестры, Алён. Пропадать — так вместе, — явно не в восторге от всего, но всё равно поддерживает меня. — А если что, нас мой папа отмажет. Ему не впервой.

Добро пожаловать в продолжение приключении нашей сладкой четверки (Тимур-Мара / Алена-Давид) История обещает быть веселой и сумасшедшей. Иначе и быть не может)))

Книгу можно читать отдельно, но для полного погружения в историю советую заглянуть в историю "Беременная жена на Новый год". История Тимура и Марины Громовых.

Глава 2

Давид

— Тимур, а мне кажется или эта блондинка неровно ко мне дышит? — спрашиваю друга, толкнув его в бок, не сводя взгляда с той, что сказала, что на прогулку меня отвезёт, а в итоге увезла непонятно куда. В деревню какую-то.

По утверждениям врачей и моих родителей, я только последних семь месяцев не помню. И по ощущениям, это противно и создаёт жуткий дискомфорт. Словно бы слово, которое ты хочешь сказать, но не можешь. Крутится на кончике языка, а ты произнести не в силах.

Недосказанность в голове. И подозрение ко всему. Мне ведь всё сейчас могут сказать, и я даже не буду знать, правда это или нет. И единственные, кому я доверяю, это Глеб и Тимур. Буду на их слова полагаться.

— Ты про Алёну? — уточняет он у меня.

— Ну не про твою же Арину, — хмыкаю на вторую девчонку рядом с блондинкой, ненавидя девушку своего друга всем сердцем.

Тимур с самого подросткового возраста встречается в ней, надев розовые очки. Даже не видит, какая она змеюка. Но я-то всё вижу и замечаю. Падаль редкостная. Настроается ещё друг с ней, и немало.

Как-то видел ее одну в клубе без Тимура, и та не стыдилась принимать внимание чужих мужчин. Принимала от них коктейли, танцевала с каждым не самые приличные танцы, выходила с ними куда-то. И я больше чем уверен, что не просто выходила она.

Я другу как-то говорил о том, что Арина ему неверна. Но не слушает меня. Не верит. Ну я и не стал говорить в этот раз. Хотя язык очень чесался сказать ему. Или, мать его, врезать, разбив розовые очки, которые ему эта стерва надела.

— Это не Арина, — мотает он головой с глубоким вдохом.

— Что? — оборачиваюсь к нему ошарашенно. — Я ещё и глазной канал какой-то повредил? Потому что я чётко вижу рядом с блондинкой Арину. Но с короткой стрижкой.

— Это моя жена Марина, — представляет он её, улыбнувшись мне и явно насмехаясь или издеваясь. — И она сестра-близнец моей бывшей. Да, звучит дико. Знаю. Арина изменила мне и бросила перед свадьбой. Я попросил Марину временно перед партнёрами поиграть мою жену. А потом влюбился.

— Да ты шутишь! — восклицаю.

— Не-а, — отвечает, и я, кинув взгляд на Арину-Марину, понимаю, что и правда не Арина. У той выражение лица всегда высокомерное было и недовольное, а у этой милое, открытое и доброе. — Ты, кстати, любишь Маринку. Защищаешь её от всех, как и Алёну.

— Чего вдруг? Ну, Марина твоя — красотка и правда. А блондинку... хм-м, — прохожусь взглядом по блондинке. — Уверен? Я же тёмненьких люблю. Блондинки не в моём вкусе.

— Сто процентов!

— Ну ладно, — вздыхаю и решаю попробовать проверить всё сам. Тимур точно меня разыграть решил, но я не дурак. Всё сам узнаю. — Алёна? — зову девушку, и она, услышав мой голос, округляет глаза и словно ёлочка загораются. Дарю ей улыбку, одну из своего соблазнительно арсенала, и даже бровями поигрываю.

— Давид! — восклицает она и несётся в мои объятия, чуть ли не снося меня с ног. Точнее, с одной ноги, ведь на вторую мне пока нельзя наступать полноценно. — Давид, — головой трётся о мою щеку и мурлычет она.

Обнимаю её в ответ, обхватывая руками со всех сторон и на минутку чувствуя что-то знакомое и приятное. Её запах, который кажется таким родным и желанным, что я даже начинаю верить в слова Тимура. Между нами точно приятельские отношения.

— И хоть я тебя не знаю, Алёна, — говорю ей тихо на ухо, — ты такая мягкая. Мне нравится. Будешь спать со мной вместо моего плюшевого медвежонка.

— Что? — отстраняется и грустной становится. Надувает и без того пухлые губки.

— Будешь моей плюшевой игрушкой для выздоровления. Но не больше. У меня невеста есть, и она беременна, — озвучиваю малоприятный факт.

— Да! Я твоя невеста! И мы ждём ребёнка, — очерчивает свой живот рукой, возмущаясь.

— Нет, моя мама сказала, что мою невесту зовут Ира, и она тёмненькая, — обламываю её план. — Я люблю тёмненьких. Прости.

— Но... — открывает она рот, чтобы что-то сказать, но Глеб дотрагивается до её руки.

— Не сейчас, Алён, — шепчет он ей. — Не стоит в первый же день.

— Я перекрасилась, — кидает мне в лицо. — И имя сменила! Я твоя невеста! Ясно тебе? Перекрасилась и имя сменила, потому что перестали тебе нравиться тёмненькие и имя Ира. Алёна тебе нравится! И блондинки! — прищуривается и, раздражённая, заходит в дом.

И судя по грохоту, что-то разбивает.

— Гром девчонка!

— Недалеко от правды ушёл, — хлопает меня Тимур по плечу. — Алена Громова. Моя старшая двоюродная сестра.

— Ого, — лишь кидая, оглядевшись вокруг и поняв, что я в капкане. Громовы меня окружили. Тимур теперь верить нельзя. Остаётся лишь Глеб. Уж он точно свою сестру за меня выдать не хочет.

Алёна

— Ты ещё обижаешься на меня? — спрашивает Давид, отвлекая меня от чтения ему детектива. Его любимый жанр, и даже в бардачке его машины есть несколько книг. Как он мне как-то сказал — в пробках читает.

— Нет, — кидая, даже не глядя на него.

Обижаюсь, но люблю. Книгу пришла ему даже почитать, чтобы он не скучал. Выбрала ту, которую он сам хотел прочесть, но всё времени не было.

— Ну, блин, малыш, я реально тебя не помню, — тянется к моей руке и дотрагивается, призывая взглянуть на него. — Это нормально, что я тебе не доверяю.

— А я тебе в своё время доверилась. И не один раз, — живот глажу. — И я тоже тебя не знала, — ругаюсь на его виноватую мордашку и, не выдержав, вздыхаю. — Но я тебя понимаю, — натягиваю грустную улыбку. — Ты вспомнишь всё. Я знаю. И я буду рядом.

— А как мы познакомились вообще? — задаёт вопрос, и я пожимаю плечами, не зная, с чего именно начать.

— Ну, долгая история, — заявляю ему. — Мне нужна была помощь, и мне посоветовали тебя как специалиста. И...

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — рычу, глядя на выписку со счетов. — Не хватает, — поднимаю взгляд на своего помощника — Лиаму Светых.

Мой троюродный брат. Искал подработку, а я себе помощника, и мы договорились, что он будет моей правой рукой в благотворительном фонде моего дедушки, который он уже фактически переписал на меня.

Формально всем руководим мы вместе, но не всегда. Например, сейчас, когда дедушке нездоровится — всё в моих руках. И я ужасно накосячила.

Лиам, как мой помощник, ездит, куда я его пошлю, выполняет мелкие задания, совмещая всё с учёбой. Это было главным моим условием, чтобы он учился. Опытные и хорошие психологи нам в фонде нужны.

Плюс нашего сотрудничества с ним в том, что я могу его посвятить во многие свои дела, которые даже от дедушки скрываю. Не хочу его лишний раз волновать. А ситуации бывают разные. От прессы жёлтой до вот таких краж, хотя такое впервые.

— А я тебе говорил, — крутит брат ручку между пальцев.

— Не бурчи, — злюсь на него.

— Не удивлюсь, если их Аринка умыкнула, — цокает он, используя приём спокойного наказания. — Я тебе говорил её не брать и не доверять. Но ты меня не слушала. Вот что из этого и вышло.

— Арина не настолько умна, чтобы деньги со счетов умыкнуть, — заявляю ему с кривой усмешкой.

— Недооценённый враг — умный враг.

— Дедушке ни слова!

— Да без вопросов, — возвращает он мне ручку. — Но надо сравнять отчёты. Что делать будем? У меня собственных средств нет сейчас.

— Даже не знаю, — откидываюсь на спинку стула. — Спонсоры не дадут нам больше денег. Это ведь всё задокументировано будет. Недостача всё равно останется.

— А твой анонимный даритель? — подкидывает варианты.

— Он чеки пересылает. Всё официально.

— А может, попросим его неофициально сделать?

— Ни за что! — восклицаю. — Моя ошибка, и я за неё платить буду. Но воришку надо найти!

— Согласен.

— Найди мне того, кто может это дело тихонько расследовать и кто будет дела вести со мной, а не с моим дедушкой, официальным владельцем фонда. Тихое расследование, о котором только мы знать будем.

— Я могу поговорить со своим приятелем, — предлагает он. — Он такими делами занимается. По дружбе всё сохранит в секрете. Но если будет что-то серьёзное, то он и в полицию заявить может. И деду сказать.

— А ты с ним поговорить не можешь? Чтобы он мне просто имя нашёл, и мы потом вместе решили, что делать с вором?

— Попробую! Но с тебя бутылка чая, — завуалированно произносит. — Хорошего чая, Алёша, — называет меня мужским именем, которым в детстве меня дразнить пытался. А потом просто стал меня так называть по привычке.

— Лиам, пощади меня! — молю его с болью в глазах. — Мне ещё эту недостачу со своих средств покрывать. У отца или у матери попроси.

— Не начинай! — видимо, я задела его за живое. — Они меня из-за гулянок и посадили на сухой паёк. Приходится подрабатывать у тебя, как видишь.

— Друга-то как зовут?

— Есенский.

— Знакомое что-то, — хмыкаю. — Звони! И проси приехать сегодня, если сможет.

— Будь ты брюнеткой, сразу бы прикатил. Но ты вроде хорошенькая, — хмыкает он и достаёт телефон, чтобы набрать друга. И если бы я тогда знала, что значат его слова...

— Ну, помогать в моём стиле, — соглашается Давид. — Говоришь, Лиам посоветовал меня?

— Да, — киваю головой.

— Хм-м... не помню этого даже, — поджимает он губы. — А Ира? Я тебе о ней говорил?

— Нет, — мотаю головой. — Мы обычно ругались или... затыкали друг другу рты, — отвожу взгляд, вкладывая двойной смысл в слова.

— И это в моём стиле, — облизывается. — И, видимо, хорошо затыкали, раз вон — пузико тебе сделали.

— А потом ты прохода мне не давал, когда узнал, что я беременна от тебя, — продолжаю ему рассказывать.

— А это не в моём стиле, — мотает головой. — Я детей не хочу. Ко мне каждую неделю приходит какая-нибудь и заявляет, что ребёнка ждёт. Мать их прогоняет обычно. Когда проверяет всё и убеждается, что бебик не мой.

— А ты не пробовал предохраняться? — язвительно кидаю.

Это сколько же у него девушек было, если к нему столько приходят?

— Не поверишь, — переходит на драматический шёпот. — Но я каждый раз. Но они все заявляют, что случилось чудо. Порвалось. Был бракованный, а одна вообще заявила, что она была в счастливых трусах. Поэтому залетела.

— То есть?

— Я не представляю, чтобы у меня были дети, и я хотел их, — подытоживает, чем делает мне больно. И добивает: — Бегал за тобой.

— Ты вспомнишь, — рычу сквозь зубы. — И тогда я потребую от тебя по букету из ста одной розы за каждый день, что ты не будешь помнить меня, и я буду слушать то, что делает мне больно, — откладываю книгу в сторону и встаю. — Я принесу нам яблочного сока. Анфиса сама его делает. Вкусный и полезный.

— Алён, прости...

— Сто одна роза, — посылаю ему с улыбкой и выхожу из комнаты, которую Фиска выделила Давиду. У меня соседняя. Маре и Тимуре досталась комната тёти Яры и её мужа, родителей Анфисы.

Иду на кухню, когда до меня доносятся голоса, сразу же заинтересовавшие меня.

— Он прийдёт нас просто! — паникует Тимур.

— Кто? — спрашиваю, присоединившись к ним и включённому телевизору.

— Отец Давида, — уточняет брат. — Он придушит нас, если узнает, что это мы.

— Да что случилось?!

— Вот! — отходит в сторону Глеб и даёт мне услышать отрывок из обращения.

— Сегодня из больницы был похищен мой сын — Давид Есенский, — говорит Виктор Есенский, отец Давида. — Вы видите его на экране. Мой сын в данный момент страдает от амнезии. Похититель воспользовался его состоянием и увёз. Прошу всех, кто владеет хоть какой информацией о местоположении моего сына, набрать номер нашего агентства! Мы объявляем вознаграждение в пять миллионов рублей!

— Глеб? — оборачиваюсь к парню, который в куртке и с пультом в руках показывает нам это. — Ты же сказал, что всё нормально.

— Он подписал документы о выписке. Никаких претензий к клинике нет. Но формально он ведь похищен тобой. Меня вызывают на допрос.

— Блин! — восклицаю, быстро решая, что делать. Проблем с полицией нам не надо. И искателей пяти миллионов тоже. — Ты в город? — спрашиваю Глеба, и тот кивает. — Отвези меня к дому Есенских. Я поговорю с ними.

— Плохая идея, — поджимает он губы.

— Какая есть, — развожу руками и иду одеваться, оставляя Давида без сока.

Глава 3

Алёна

Глеб довозит меня до соседней улицы и говорит, куда идти, чтобы быстрее добраться до дома Есенских. Пока решает шифроваться, чтобы в случае, если разговор не удастся, не выдать себя родителям Давида.

Пусть вначале он всё вспомнит, а потом мы его миру покажем. Да и когда вспомнит — обвинения Давид тут же снимет. Мы же все ради него стараемся.

— Вы к кому? — интересуется у меня, вероятнее всего, охранник их дома через динамик на воротах.

— Мне нужны Виктор и Роза Есенские, — отвечаю в этот же динамик и жду, пока мне откроют, и я смогу войти.

— Зачем?

— Поговорить.

— Им сейчас не до разговоров, — кидает он мне.

— Блин! — ругаюсь про себя и громче добавляю: — Это насчёт их сына!

— Давида? Вы знаете, где он?! — тут же принимается закидывать меня вопросами взволнованно.

— Я буду говорить лишь с его родителями, — заявляю я, и малая часть ворот спустя несколько мгновений открывается, и мужчина в возрасте встречает меня, приглашая идти за ним в огромный особняк.

Наш дом даже больше, но лишь в ширину, это же поражает количеством этажей. Четыре этажа. Интересно, а у них лифт есть или они пешком поднимаются? Или вообще никуда не поднимаются и занимают лишь два первых этажа?

Киваю мужчине в форме и следую за ним. Вместе заходим в дом, но в коридоре меня просят подождать.

— Там девушка пришла и сказала, что знает кое-что про вашего сына, — говорит он кому-то, и в мою сторону тут же несётся кто-то быстрый и лёгкий.

— Ты! — мама Давида появляется передо мной. — Ты знаешь, где Давид?! Ты что-то знаешь? Да? Молю, скажи, что знаешь!

— Я невеста вашего сына, — представляюсь для начала. — И мы ждём двойню, — расстёгиваю куртку и показываю небольшой животик. Мало заметный, если только я не в водолазке.

— О нет! — восклицает она, прикрыв лицо руками, и начинает плакать. — Зачем ты пришла? Уходи! Ты разве не видишь, как нам плохо? Нашего сына похитили, а ты приходишь и просто издеваешься! Не стыдно?

— Роза, — отец Давида подходит и обнимает жену.

— Я невеста... — начинаю вновь, но он прерывает меня одним взмахом руки.

— Я всё слышал, — отвечает он жёстко. — Сейчас не время, девушка. В нашей семье беда. Нам не до вашего вранья. Правда!

— Я не мошенница.

— Ты думаешь, ты первая? — сквозь слёзы интересуется Есенская. — К нам каждая третья его баба приходит и говорит, что ждёт от него ребёнка.

— Роза, прошу вас, не плачьте, — незнакомая мне темноволосая девушка подходит и обнимает маму Давида. — Не расстраивайтесь! Мы найдём его! Обязательно найдём!

— Я правду говорю! — восклицаю, стремясь уверить их.

— А ты, случаем, не та девчонка из больницы, которая пошла просто поглазеть в отделение травматологии? — прищуривается господин Есенский, а рядом с ним возникает свет-

ловолосая малышка лет шестнадцати-восемнадцати и ещё одна девочка, но уже тёмненькая и младше. Может, лет десяти или тринадцати.

— Да, я, — отвечаю ему.

— Услышала, значит, всё и решила пристроиться? — недовольно качает головой. — Даже не думай, что у тебя что-то выйдет!

— Убирайся! — кричит, вероятнее всего, Ирочка, судя по их разговору и её беременному пузику.

— Уходите, девушка!

— Пап, а... — хочет что-то спросить светловолосая девочка, младшая копия матери.

— Не сейчас, Тиана. Не сейчас! — прерывает он её. — Уходи! И больше не приходи! Пойдём, Роза.

— Я провожу её, — отзывается беременяшка и, схватив меня за локоть, ведёт на выход.

Отводит максимально далеко от дома, что я позволяю ей сделать, ведь не зря вызвалась сопровождать. И она ожидаемо заговаривает язвительно и высокомерно.

— Чтобы я тебя больше не видела здесь. Ясно? Давид мой! Держись от него подальше.

— Вообще-то, неясно.

— У меня будет от него ребёнок! — живот свои огромный показывает.

— А у меня два, — глажу свой. — Я выиграла!

— Он мой!

— А давай так, — в голову приходит неожиданная идея. — Кто первый его найдёт, тому он и будет принадлежать?

— Серьёзно? — даже фыркает от смеха. — Пф-ф! Давай! На моей стороне Есенские, а на твоей?

— На моей — мои друзья.

— Значит, по рукам! Кто первый найдёт — того и Давид, — думает, что всё в её руках, только она главного не знает. Я уже через полчаса его “найду” и обниму.

— Сгинь, ведьма! — кричит младшая сестра Давида и несётся в мою сторону с водяным пистолетом, в котором что-то есть. Прикрываюсь, боясь, что она мне куртку испортит, но её цель не я, а Ирочка. — Сгинь! — нажимает на крючок, прыская в невесту брата чем-то красным.

— Успокойся, мелюзга! Успокойся! — орёт девушка и пытается укрыться от нападения. Но когда мелкая достаёт ещё один пистолет из кармана, то Ирочка начинает бежать от неё с такой скоростью, с которой беременные обычно не бегают.

— Позаботься о нём, — произносит Тиана, подойдя ко мне. — Не дай родителям женить его на этой, — кивает на Ирочку.

— Ты знаешь?..

— Я знаю всё о девушках брата, — вздыхает она.

— Тогда почему не скажешь родителям? — спрашиваю её.

— Они меня не слышат, — жалуется она, и мне даже жаль её становится. — Считают, что я специально выдумываю всякие причины из-за того, что мы с Изой против этой дуры. Давид её не любит. А тебя любит. Я хочу, чтобы мой брат жил с той, которую будет ценить.

— И ты не скажешь им, что он у меня? — намекаю на родителей.

— Если это спасёт меня от родства с этой, то да! — передёргивает плечами. — Он всё ещё не помнит ничего?

— Не помнит.

— В его телефоне есть запароленная рабочая папка, — переходит она на шёпот. — Там должны быть ваши фотографии. Твоим он может не поверить и сказать, что фоташоп. Он жуткий параноик в этом плане. А той папке — поверит. Своему телефону поверит.

— А в обычной есть что?

— А в обычную Ирочка залезла и очистила всё, — открывает мне правду. — Я видела это лично. И Иза, поэтому и пытается сейчас её замочить или намочить, — смеётся над действиями младшей сестрёнки.

— А пароль?

— Я не знаю, — пожимает она плечами. — Пока, Алёна! Иза, хватит! Родители накажут опять!

— Ну и пусть! Я должна её изгнать обратно в ад!

— Иза!

— Пока, — бросаю и сама иду на выход в смутных чувствах.

Кажется, не все в семье Есенских хотят женитьбы Давида на Ирочке. Две уж точно на моей стороне будут.

Но что делать с его родителями? Они ведь ищут сына и не успокоятся...

Алёна

После посещения дома Есенских звоню Глебу, и он подбирает меня на прежнем месте. На заднем сиденье уже красуется пакет из аптеки, из которого выглядывает несколько шприцов. Что меня немного веселит. Обколем Давиду всю попку, раз он меня не помнит.

Дома я пересказываю ребятам всё, что случилось дома у Давида, и как мою новость встретили в штыки одни, и как в неё поверили другие.

— Ну, Тианка и Иза всегда были на стороне Давида, — потирает подбородок Глеб. — К слову, Изу тебе лучше опасаться. Она дикая собственница и просто так Давида тебе не отдаст. Для него она маленькая принцесса, которую он балует и которая стала из-за этого избалованной до ужаса.

— Я видела, на что способна эта Иза, — вздыхаю. — Так эту Иру мочила, что мне даже как-то жаль бедняжку было. Но всего на секунду. Потом я вспомнила, какая она мегера, и так хорошо на душе стало!

— Кстати, насчёт Иры, — заговаривает Тимур. — Давид ей тоже не верил.

— То есть он знал о ней и мне не сказал? — возмущаюсь на брата.

— Мы как раз о ней говорили, когда Арина на нас напала, — отвечает брат, разведя одной рукой, ведь второй жену обнимает. — Давид хотел познакомить тебя с родными, когда ты из больницы выпишешься. Заявить о тебе и ваших детях. А детей этой после рождения проверить и в случае чего алименты платить. Хотя он вообще не верил, что это его малыш будет, — рассказывает он, и я полностью соглашаюсь с мыслями своего жениха. Такой расклад мне нравится.

— А почему его мать поверила ей? Если к ней сотни других приходят? — до сих пор недоумеваю.

— Точно не скажу, но мне кажется, потому что она несколько раз ловила их в его квартире, — предполагает Глеб Кудинов.

— Глеб, а до рождения ребёнка можно определить, кто отец ребёнка? — спрашиваю его, готовая хоть сейчас гадину в клинику потащить.

— Можно, вообще-то, но очень опасно, — хмыкает он. — Да и она не согласится. Будет аргументировать тем, что это небезопасно для её ребёнка. И тут не поймёшь, лжёт или нет. Лучше и правда дождаться рождения, — обламывает он мне крылышки. — Кстати, тётя Роза именно так и проверяла его баб. Вела ко мне якобы на такой анализ, и те, увидев огромную иглу, сознавались во всём. А одна всё же сделала. Думала, прокатит. Но показало, что не его.

— Мои дети точно от Давида! Честно! — уверяю его и всех на всякий случай.

— Да мы верим тебе! — в один голос восклицают Тимур и Мара.

— Даже я верю, — вздыхает Фиска. — Ты очень похожа на моих обезьянок. Те тоже после оплодотворения тащат самцов в свой домик, — заявляет она на полном серьёзе.

— Анфиса, иди в баню! — посылаю её. — Я тебе не обезьяна!

— Но поведение схожее, — выдавливает улыбку.

— Иди в баню! — прищуриваюсь.

— А ещё обезьянки заботятся о самцах, когда те болеют, — не унимается этот ветеринар. — У меня есть даже одна взрослая беременная самочка, так она так заботится о своём партнёре, что когда я прихожу, сама мне его тащит. Доверяет своего избранника мне и приносит на себе, потому что он сам ходить не может. Проблема со стопой.

— Фиса, не беси!

— Я не бешу! Я провожу параллели!

— Сумасшедшая!

— Не меньше твоего! — посылает улыбку и, поднявшись, декламирует: — Дорогие мои, своих слов я не отменяю. Оставайтесь сколько нужно. Но хочу попросить позвонить родителям Давида. Хотя бы по телефону пусть им скажет, что всё в порядке, и якобы он подумать уехал куда-нибудь. Переварить всё. Я всё понимаю. Но вы и родителей его поймите. Они в панике! Я требую звонка!

— Алён, я тоже за вариант Анфисы, — подаёт первой голос Марина. — Я представляю, каково им.

— И я за, — поднимает руку Тимур.

— И я, — поддерживает их Глеб.

— Да я тоже за него, — сдаюсь. — Но как уговорить Давида?

— Я попробую, — вызывается Глеб. — Попробую ему всё объяснить и попросить сделать, как нам надо.

— Спасибо! — благодарю его.

— Я сразу тебе сказал, что надо родителям сказать, — напоминает он, на что я глаза закатываю.

— В тот момент я не знала, как это сделать, — возражаю ему. — И была на эмоциях. Ты что, хочешь, чтобы его Ирочка захомотала?

— Не хочу, — резко серьёзным становится. — Поэтому и помогаю.

— А почему не хочешь? — допытываюсь.

Ладно Мара — она всегда со мной. Тимур вынужден, потому что Мара за меня. Но Глеб... Что-то здесь не так.

— Врачебная тайна, — отвечает он.

— Врачебная тайна гинеколога? — прищуриваюсь. — Она что, больна? Или она — бывший мужчина? Или она не беременна? Или...

— Извини, но не могу сказать, — прерывает он меня. — Кто бы ни был на моём кресле — его тайны остаются за дверью моего кабинета.

— Ты какой-то странный игрок, — заявляю ему, скрестив руки на груди. — Вроде за нас, а вроде и нет. Так на чьей ты стороне, Штирлиц?

— Я ваш друг, но ещё я и врач, который не может открывать тайны своих пациентов, — стоит он на своём, чем раздражает и одновременно восхищает. Вот бы все врачи такие были.

— Ладно, иди! — отсылаю его. — Пусть Давид звонит. Но об Ирочке пусть даже не думает!

Глава 4

Давид

— Дружище, — Глеб заходит в мою комнату, отвлекая меня от прослушивания аудиокниги про ленивца-детектива, который не может узнать, кто убил тётушку Марту, хотя это понятно уже после второй главы.

Повернув голову в сторону друга, пальцем нажимаю кнопку “Стоп” на пульте музыкального центра, всем своим видом показывая, что готов его слушать.

— Что? Ваши шпионские переговоры закончились? — интересуюсь у него. — Признаюсь подслушивал, но вы, как всегда не умеете говорить по очереди. Я почти ничего не понял, кроме того, что моя мать и отец думают, что меня похитили.

— Всё именно так, — опускается на стул, на которой блондиночка сидела, перед тем как пойти за соком, а после исчезнуть. — И это якобы сделала Алёна, но как бы мы всё, — виновато поджимает губы в чём-то похожем на улыбку.

— И зачем вы меня похитили? — интересуюсь у него.

— Чтобы ты не женился на той, которую не любишь.

— На Алёне? — выгибаю бровь.

— Да не, — мотает головой. — Эта от тебя свадьбы никогда не требовала. Только если в шутку. И это ты за ней гонялся, прося руки и сердца.

— Вообще, на меня не похоже, — начинаю уже и в нём сомневаться.

— Ты любишь её, — говорит он мне, только я лучше в своих чувствах разбираюсь. — Или любил, — исправляется. — Но в любом случае эта не та девушка, которая будет тебя к чему-либо принуждать. Или пользоваться ситуацией.

— Значит спасаете меня от той, на которой родители женить хотят? — логично выстраиваю цепочку.

— Да.

— Я вам о ней говорил? Тебе и Тимуру?

— Да, — кивает он. — Но вы расстались. Примерно, когда ты с Алёной встретился, — прикидывает сроки. — А может и одновременно с двумя был. Я как-то не интересовался периодом, когда ты с очередной мадам расстаёшься.

— А она реально от меня беременна? — спрашиваю друга, наполненный серьёзностью и желанием узнать правду.

— Алёна — да.

— А эта? Ира?

— Там всё сложнее, — вздыхает он и отрешённым становится. — Может и да, а может и нет. Я ошибку совершил и теперь не уверен, что всё именно так, как я планировал.

— Не понял.

— И не надо, — достаёт телефон кнопочный и протягивает мне. — Позвони родителям и скажи, что сам ушёл. Подумать. Побывать наедине с собой. Они будут переживать, если не позвонишь, — просит, а после добавляет. — И девочки, что там сидят, могут пострадать, если история с твоим похищением продолжится. Ты же не хочешь, чтобы с Алёной что-то случилось?

— Она мне нравится, — хмыкаю с улыбкой. — С характером такая. Весёлая. Убить меня хочет или хотя бы избить до смерти, но любит и сдерживается из всех сил, — лыблюсь, как дурак какой-то.

— Вот-вот, — тянет Глеб. — Она хорошая девчонка, Давид. Они все Громыковы хорошенькие, — подмигивает мне.

— И та блондинка с пучком тоже, — поигрываю бровями, говоря о той, что мне укол делала недавно. И я могу с уверенностью сказать, что рука у неё лёгкая. Даже не почувствовал ничего.

— Ой, не начинай, — закатывает глаза Кудинов. — Личность интересная. Не каждый день увидишь ветеринара, который разводит обезьян. Необычно. Мне интересно. Это нормально,

— Ага-ага, — якобы соглашаюсь с ним и беру трубку. — А номер?

— Там забит номер, — отвечает он мне и я, открыв книгу контактов, нахожу всего один номер. Моей матери. — Чтобы не отследили. Мара сделала, — объясняет он мне.

— Она?..

— Шарит во всём этом, — поясняет он. — И работает на тебя. Но сейчас на больничном.

— О, — удивлённо открываю рот и, поняв, что мне ещё многое придётся вспомнить, набираю родительницу.

— Да, слушаю! — отвечает мама сквозь слёзы. — Говорите.

— Mam, это я, — сразу же отзываюсь. — Не плачь! Прошу!

— Давид! — кричит она. — О боже, сынок! Ты где?! Виктор! Это Давид!

— Mam, я уехал загород с близкими мне людьми, — говорю ей, глядя на совершенно спокойного Глеба. — Мне нужно подумать обо всём происходящем. Дать себе время. Я не помню эту Иру и не хочу на ней жениться. Обо мне здесь есть кому позаботится. Я живу в доме одной прекрасной особы с медицинским образованием. Вокруг меня куча людей, заинтересованных в том, чтобы я вспомнил всё. Так что не переживай!

— Давид, что ты несёшь! Никто не позаботится о тебе, лучше чем я!

— Я знаю, мам, — вздыхаю в трубку. — И ценю это. Но мне нужно вспомнить всё и лишь тогда я вернусь.

— Давид!

— Давид! — кричит Иза на фоне. — Немедленно возвращайся! Эта ведьма с каждым днём подпитывается силой и я скоро её не смогу изгнать! Придётся голову отрубить, а папа отказывается мне топор точить!

— Иза! — пытается успокоить её мама. — Извинись немедленно!

Моя младшая сестрёнка вовсе не кровожадная. Просто если человек ей не нравится и она чувствует в нём какую-то гнильцу, то всеми методами пытается из своего мирка вытолкнуть. Начинает с обычных бесед, потом переходит на мелкую порчу имущества, а затем в ход идут угрозы и запугивания того, что она сделает. Но ничего такого она не сделает. Изка — ангелочек.

А вот если человек ей нравится. Вот тут стоит бояться на самом деле. Zalюбит до дыр и прохода не даст, крича всем вокруг, как сильно тебя любит. Но главная её любовь — это я и Тиана.

— Такие слов не понимают, маменька, — отвечает Иза родительнице. — Таких только ремнём пороть надо!

— Иза!

— Mam, я позвоню вам завтра, — прерываю их. — А сегодня я должен отдыхать.

— Давид!

— Mam, я всё решил! — чётко произношу. — Я взрослый мужчина и сам вправе решать, что мне делать.

— Ты хоть ешь нормально? — вздыхает она в трубку страдальчески.

— Да, — киваю, будто бы она меня видит. — Меня очень вкусно накормили сегодня ужином дважды.

— А кровать? Тебе удобно? — хватается она за вопросы.

— Очень.

— А можно я приеду и хоть глазочком на тебя посмотрю?

— Не тяни время, мам, — хохочу, читая её как открытую книгу. — Я знаю, что ты делаешь. Пытаетесь с папой засечь местоположение моё? Да?

— Виктор! — рычит мама. — Ты зачал слишком умного сына!

— Люблю вас! Позвоню завтра, — кидаю и отключаюсь, чувствуя улыбку. Ребята ещё даже не догадываются, что веселье только начинается. Теперь родители будут искать меня ещё тщательнее. — Готово, — протягиваю телефон Глебу.

— Оставь себе, — предлагает он. — Звони матери иногда. Я знаю, что ты глупостей не сделаешь.

— Ладно, — убираю трубку на тумбу и пытаюсь понять, что меня только что в маме зацепило. Как вдруг меня осеняет. — Алёна похожа на мою маму, — удивлённо тяну. — Она безумно на неё похожа. Я влюбился в копию своей матери... Ого! Теперь многое становится на свои места. Я нашёл в ней копию своей матери и поэтому решил быть с ней! Глеб, я гений! Тогда я начинаю понимать себя! Я чёртов гений!

— Ты сумасшедший идиот, друг мой. Гений здесь только я, — подмигивает и покидает мою комнату, оставляя меня в полном шоке.

Кажется, это что-то на генетическом уровне. Влюбляться и жениться на безбашенных. Связывать свою жизнь с сумасшедшими.

Давид

— Таблетки, — протягивает мне Алёна пластмассовый стаканчик с пилюлями. — Всё надо выпить.

— Может, нежнее попросишь? — спрашиваю её, забирая предложенные медикаменты. — А то и правда решу, что ты меня в заложниках держишь. В следующий раз скажу маме об этом. Попрошу забрать меня.

— Правда? — переспрашивает и идёт к небольшому шкафу, из которого что-то белое достаёт. — Так давай сделаем всё правдоподобно, — предлагает, найдя конец малярного скотча.

— Детка, я сейчас не способен на ролевые игры. Голова болит, — морщусь для драматизма, только вот её это не трогает. Она подходит ко мне и руку начинает мою приматывать белой лентой к перекладине. — Эй!

— Терпи, — бросает она, продолжая своими делами заниматься.

— Ты ведь понимаешь, что я могу с лёгкостью его порвать? — спрашиваю её.

— Ты ведь понимаешь, что я могу с лёгкостью тебе рот заклеить? — отходит, высвободив меня. — Я тебя не похищала. Я спасаю твою жизнь и свободу. Думаешь, мне приятно сейчас находиться с тобой? Любить тебя и быть забытой? Я пытаюсь за тобой ухаживать и сделать всё, чтобы ты как можно скорее меня вспомнил. И не только меня! А ты здесь шутишь? Извини, но у меня был не очень приятный вечер. Меня мошенницей назвали.

— Я тоже хочу всё вспомнить, — чувствую вину, ведь, по сути, девушка права. Плохо она мне не делает. Кормит почти что с ложечки, таблетки приносит, развлекает, говорит со мной.

Засыпаю пилюли в рот и запиваю всё стаканом воды, который мне на тумбе оставляют, по очереди меня навещая.

— Ты хоть что-нибудь вспомнил? — спрашивает она меня и садится на стул.

— Вообще нет, — отвечаю ей. — Но один момент есть. Я какую-то девушку толкаю, а затем слышу её вопль, а потом сильная боль. А после темнота. Я спал, и мне это приснилось, а теперь из головы не выходит.

— Это, скорее всего, когда ты Арину толкнул и не дал ей серную кислоту в Тима плеснуть, — предполагает блондинка.

— Серную кислоту?! В Тимура?! — дар речи теряю. — А я говорил, что эта девчонка заставит всех настрадаться.

— Арина с детства такая, — вздыхает Алёна. — Кстати, из-за неё тогда мы и познакомились. Я взяла её в свой фонд работать. Она деньги умыкнула со счетов, хотя я вообще не думала, что она сможет такое провернуть.

“ — Давид, это Алёна, заместитель директора благотворительно фонда Новицкого. Внучка самого Новицкого, — представляет девушку Лиам, который и просил меня приехать сюда. И как можно скорее. — Алёна, это Давид Есенский. Мой друг — и тот, кто нам поможет.

— Приятно познакомиться, — тянет мне руку для рукопожатия блондинка и заглядывает в мои глаза.

И когда наши взгляды встречаются, я в ту же секунду понимаю, что пропал. Эти голубые огромные океаны заставляют утонуть в них и раствориться.

— Пойдём в мой кабинет, — предлагает деловая леди и полностью влюбляет в себя широкой милой улыбкой, за которой скрывается непоколебимая уверенность в себе и невероятная сила духа.

“Как у моей матери...” — сразу же понимаю я. И осознаю, что она идеально впишется в мою семью.”

— ...а потом... — тем временем продолжает девушка, а я так и лежу, глядя в одну точку.

Я был в неё влюблён с первого взгляда. В блондинку. В ту, что напрочь не похожа на тех девушек, с которыми я встречался. Не мой тип. Не мой идеал. Или наоборот — похожа на тот идеал женщины, который я для серьёзных отношений себе установил.

Моя мама эмоциональная, сильная, яркая личность, но для меня она хитрый ангелочек, не тронутый пороком и развратом. Думаю, может, поэтому я искал для развлечения кардинально отличающихся от неё девушек.

Девушки на одну ночь совсем не должны были быть на неё похожи. Но Алёна...

О господи! Поражаюсь сам себе.

— Ты вообще меня слушаешь? — возмущается девушка, непонятно как оказавшаяся лежащей на моём плече, пока я её обнимаю одной рукой и к себе прижимаю.

— Да, слушаю, — вру.

— Ну, и в том отеле, чтобы лишний раз иметь возможность ко мне приставать — ты арендовал один номер для четверых. Я, ты, Мара и Тимур, — повествует она о чём-то, а я даже понятия не имею, о чём она.

— Не помню этого, — признаюсь ей.

“ — Господи, какой же ты твердолобый! Даже в моей семье, у которой с сообразительностью не очень, ситуация получше! — кричит на меня Алёна. — Я же просила посмотреть, чтобы не было прессы!

— Не просила! — настаиваю на своём.

— Просила! Я наняла твоё агентство не только для расследования дела, но и для обеспечения всесторонней защиты! — не унимается фурия. — Ты вообще хоть что-то нормально сделать можешь?

— Могу! — ору в ответ и уже в следующую секунду затаскиваю её в подсобку и затыкаю поцелуем.”

— Ничего, вспомнишь, — улыбается Алёна и собирается уже встать.

— Нет, останься! — прошу её. — Совсем не хочу спать.

— Почитать тебе? — предлагает она.

— Приготовь мне на завтрак блины с вишней, — прошу её, а в голове знакомое чувство. Словно бы я её уже просил об этом. Словно бы она мне уже готовила их, и я был без ума от её блинов.

— Ты помнишь? — приподнимается и заглядывает в мои глаза. — Ты вспомнил всё?!

— Нет, только чувство это, — говорю, пытаюсь объяснить, что именно вспомнил и как это можно описать. — Словно бы я знаю, что люблю, когда ты готовишь эти блинчики. Нет, не так... Сложно объяснить, Алён, — поджимаю губы. — Надеюсь, ты поняла меня.

— Я тебе готовила блинчики с вишней, когда ты был у меня, — несмотря на моё признание, всё равно радуется маленькому успеху. — Ты очень их любил.

“ — Запачкаешь своими грязными от вишни руками мои фартук — и я тебя на котлеты пущу, — звучит в голове голос Алёны, и вспоминается удар.”

— Ага. Любил...

— Я завтра тебе утром приготовлю, — обещает она, наклонившись и чмокнув меня в щеку. — Вдруг это поможет тебе вспомнить? Глеб говорит, что тебе сейчас надо медленно обо всём напоминать. Лучше было бы в родных стенах быть, но там твоя Ирочка! Бесит меня!

— А что, если я был и с ней, и с тобой?

— Тогда я тебя кастрирую, — выдаёт с натянутой улыбкой. — Будут у тебя мои двойняшки и от этой, — собирается она вновь встать. — Если у неё твои дети вообще.

— Нет, останься, — хватаю её за руку. — Прошу. Останься, потому что, как только ты вошла в комнату, я стал потихоньку что-то вспоминать. И чем раньше я вспомню, тем скорее разберусь во всём, что происходит в моей жизни.

— Ну уж нет! — заявляет мне блондинка. — Вот как вспомнишь — так хоть сколько угодно буду лежать. А пока твои родители считают меня мошенницей, а настоящую ведьму — невесткой, спи сам!

— Ты обиделась? На меня? Из-за моих родителей?

— Немного! — морщится в улыбке. — Мне можно! Ты мог бы им про меня сказать!

А что если я не хотел говорить о ней родителям по какой-то причине? Что если Алёна была для меня “несерьёзно”, даже несмотря на то, что похожа на мою мать?

Господи! Эта потеря памяти меня сводит с ума!

Алёна

— Ну что там? — выхожу к Маре и ребятам, которые пытаются телефон Давида взломать и получить доступ к злосчастной папке.

— Мы взломали, — поджимает губы сестра и выглядит при этом поражённой. — Даже подключать программу не пришлось. Пароль “АленаГромова” подошёл.

— Это я предположил, — хвастается Глеб, улыбаясь довольно.

— Я был тоже прав. Просто “Алёна” тоже могло быть, — словно за место лучшего друга сражается Тимур с Кудиновым. — Когда мой вариант не подошёл с первой попытки, ты логично добавил фамилию. Я бы тоже её назвал. Но ты меня опередил, — отмазывается он.

— И что там? — опускаюсь рядом с Марой, заглядывая в телефон. — Есть что-то?

— Фотографии есть, рабочие папки есть, — перечисляет она, демонстративно пролистав всё. — Но?..

— Но что? — напрягаюсь. Не нравится мне это её “но”.

— Папка “Ира Леонова” тоже есть, — отвечает за Марину Тимур, указав на неё.

— Чего?! — округляю глаза и, вырвав телефон из рук сестры, пытаюсь разглядеть что-то. — Но тут только досье на неё. И то скудное.

— Он собирал на неё информацию, Алён, — сестре это совсем не нравится.

— Ну, это нормально, — оправдываю я отца своих детей. — Переживал за своё пространство. Она же его женить хотела на себе! Он и стал собирать информацию, чтобы обезопасить себя и быть подготовленным в случае чего.

— А если для чего-то другого? — предполагает Марина, а меня отчего-то лицо Глеба в данный момент смущает. Что-то здесь не так. И он в этом замешан.

Надо его колоть, но он орешек крепкий. Тут нужно действовать хитрее — через девушку. Через ту, с которой он взгляд не сводит.

Анфиса.

Она может всё выяснить.

— Но там папка и о тебе есть. И это выглядит как сталкерство. Он за тобой следил, Алён, — заявил брат, и я ищу папку о себе, мигом почувствовав себя в каком-то шпионском фильме. Фото, как я иду, как сижу в кафе и даже как колготки незаметно поправить пытаюсь.

— Маньяк какой-то, — высказываюсь, но не злюсь и никакой агрессии не проявляю. — Ой, а здесь я хорошо вышла, — показываю всем фотографию с балкона. — И бельё с этим халатиком хорошо смотрится, — приглядываюсь. — Очень хорошо сочетается. Правда, Мар?

— Идеальная жертва маньяка, — перешёптываются за спиной Тимур с Марой.

— Ой, идите вы! — посылаю этих заговорщиков. — Понимаю, если бы Давид был каким-то дураком, а он нормальный мужчина. С заскоками немного странными, но все мы не без приветов. Вон — Мара взламывает всё направо и налево. Давид фотографии друзей собирает, — улыбаюсь. — Эту папку надо будет ему завтра показать.

— Да, — кивает Глеб. — Но не больше пяти минут. Лишняя нагрузка на глаза нам не нужна, Алёна, — предупреждает нас врач. — Анфиса, — зовёт он девушку. — Завтра надо будет глаза проверить Давиду. Офтальмолог говорит, что может быть риск ухудшения зрения после такой травмы. А у него и так есть небольшой минус.

— Что? — испуганно оборачиваюсь к нему и от разглядывания своих тайных фотографий отвлекаюсь.

— Там всего ноль пять, Алён, — уверяет меня Глеб. — Не переживай. Это у каждого человека, который целыми днями в компьютере сидит, бывает. Может быть, даже отдых от смартфона сейчас ему на пользу.

— Ребят, а как мы объясним Давиду, что знаем пароль от его секретной папки? — интересуется Мара, задавая логичный вопрос.

— Легко! — восклицаю. — Скажем, что Тиана сказала. Она ведь, по сути, это и сделала.

— А вы не хотели бы Тиану к Давиду привезти в один из дней? — спрашивает Глеб. — Ему нужно больше знакомых людей вокруг, чтобы память скорее восстановилась. Тиана показала себя как надёжного союзника.

— Ну, можно, — пожимаю плечами и хочу ещё высказать несколько пунктов в пользу этой идеи, но нас всех отвлекает крик из спальни Давида.

— Р-ребята? — кричит Есенский, и мы, сорвавшись, несёмся туда, испугавшись за него не на шутку. И застаём Даву, которого обнимает...

Обезьянка. Маленькая.

— Есенский! — всё ещё пребывая в шоке, кричу я. — Ты и тут мне изменяешь!

— Марта! — недовольно кричит Анфиса на свою обезьянку и, вырвавшись вперёд, идёт к этой парочке. — Опять сбежала, негодяйка! Ну ни минуты спокойствия с тобой, Марта! — снимает её аккуратно с Давида. — Прости её, — извиняется она перед мужчиной, что испуганно смотрит на обезьянку. — Она отца своему потомству ищет, — объясняется она, и Тимур за моей спиной прыскает от смеха.

— А чего её прощать, Анфис? Она как раз в его вкусе. Тёмненькая, — подкалываю я своего мужчину, а обезьянка вновь на Давиде оказывается, принимаясь ему волосы на груди перебирать, и смешно улыбается Есенскому.

Ну точно кадрит Даву.

Пусть в очередь становится. Будет третьей беременной у Давида.

От одной увезла, вторая появилась.

Он что? Мёдом намазан?

Давид

— Марта, ты понимаешь, что у меня девушка есть? — спрашиваю у обезьянки, которую мне оставили в качестве собеседника. — Я не могу вот так с тобой здесь сидеть.

Ответом мне служит лишь внимательный взгляд на мои губы.

— Не поверишь, но пока на роль моей девушки претендуют сразу две мадам, — продолжаю рассказывать своей преданной слушательнице. — И пока я не разберусь в себе, мне нужно держать дистанцию от всех. И даже тебя подпускать нельзя.

Марта дотрагивается до моего подбородка в надежде выдернуть оттуда ещё один волосок. Она уже полбороды мне, кажется, выщипала.

— Даже не думай, — говорю ей. — Мне больно

— О-о-о? — спрашивает она меня.

— Очень. У тебя пальчики маленькие, — говорю ей возмущённо. — Ты когда тянешь, то ещё и несколько соседних подхватываешь. Научись пинцетом пользоваться.

— О-о-о?

— Не знаю я. У меня нет. У Анфисы спроси, — предлагаю ей, и она кидает взгляд на дверь, но немного подумав, решает никуда не идти. Пристраивается и ложится рядом, глядя в мои глаза. — Не смотри ты так на меня. Я всё равно тебя вперёд других пустить не смогу. Ты видела, как эта блондинка на меня смотрит? А как к тебе ревнует?

— Болтаете? — Глеб с Тимуром заходят в комнату, хохоча над моей мадам, устроившейся на моём плече.

— Хоть кто-то от меня сбежать не хочет, — язвительно кидаю в сторону друзей. — Вы все чуть что — сразу уходите. А я тут один с ума схожу.

— Марта, тебе просили передать, — Глеб опускает на столик миску с фруктами, и обезьянка, услышав своё имя, срывается и бежит грызть ломтики яблока.

— А это тебе передать просили, — Тимур протягивает мне мой телефон. — Тиана просила передать, что Ирочка эта что-то удалила из твоего телефона, и осталась только засекреченная папка.

— Которую вы уже рассекретили? — интересуюсь у них. И те кивают с натянутой улыбкой. — И каков пароль?

— “АленаГромова”.

— Ясно, — вздыхаю.

— И ты не спросишь, почему мы его таким поставили? — напрягается Глеб.

— Вы не могли его поставить, — отвечаю им. — Я, может быть, что-то и забыл, но то, что пароль к этой папке можно установить только с моего рабочего компьютера, помню прекрасно. А уж до моего компьютера вы бы не добрались.

— То есть ты нам уже веришь? — прищурившись, уточняет Тимур. — Что между тобой и Алёной что-то было?

— Верю, — вздыхаю, устав от мыслей, которыми уже извёл себя. — Но до сих пор не понимаю, почему тогда родителей с Алёной не познакомил.

— Ты собирался.

— Может быть, — не исключая этого варианта. — Но ни разу не упомянуть её имя... Я не понимаю почему.

— Ну, ваши отношения развивались довольно стремительно. Может, не успел? — предполагает Кудинов.

— Маме, может быть, не стал бы говорить из-за её ревности и намерения сразу же меня женить, если я скажу, что влюбился. Но отцу бы я сказал, — логически рассуждаю.

— Извини, брат, но этого мы не знаем, — Глеб разводит руками, а Тимур пытается ещё что-то придумать.

Доев все дольки яблока, Марта оставляет последнюю и лезет ко мне. И сев на грудную клетку, тычет мне фрукт в сомкнутые губы.

— Откармливает жениха, — подшучивает Кудинов. — Боится, что умрёшь, не дождав-
шись её родов.

— Идите в баню, — шепчу им.

Марта же, увидев, что я не собираюсь есть предложенное ей, решила, что я не умею.
Поэтому принимается учить.

— О-о-о, — привлекает моё внимание и кусает дольку, глядя мне в глаза, и тут же тычет
мне её в рот. — О-о-о!

Парни заходятся от смеха, когда она ещё несколько раз повторяет манипуляции, а я всё
не сдаюсь.

— О-о-о! — кричит она на меня, и я решаю сделать всё наоборот. Беру из её рук дольку
и ей тычу. И она сдаётся, съев всё до конца, ещё и довольно попрыгав после этого.

Решила, что я ухаживаю за ней?

— А теперь жених свою невесту кормит, — не унимаются парни. — Мы ему тут Алёну
рекламируем, а он себе уже выбрал.

— Идите к чёрту! — посылаю их, но уходят они не скоро.

Вначале ржут до слёз, а потом покидают меня, оставляя с Мартой наедине. Чуть позже
Анфиса заходит, чтобы забрать свою подопечную, но она устраивает ветеринару скандал, когда
её пытаются со мной разлучить.

— Марта!

— О-о-о, — говорит обезьянка ей что-то и на живот свой показывает.

— Я знаю, что ты за них переживаешь. Всё будет хорошо! Но ты не можешь остаться с
ним. Он не защитит вас, — поджимает она губы.

— Не совсем понял, — включаюсь в их дискуссию.

— Это её вторая беременность, — отвечает Анфиса. — Её партнёр умер, когда она была
беременна в первый раз. Плод внутри умер от инфекции, которая и погубила отца. Марта
чудом выжила. У меня много приматов умерло в пандемию. После у нас был самец на содер-
жании и лечении, он и оплодотворил Марту, — гладит подопечную по спине. — Этот вид обе-
зьянок не такой, как другие. Самки, когда беременеют, заботятся о своих самцах, потому что
после рождения потомства самцы берут на себя организацию безопасности семьи.

— Она кормила меня...

— Она готовит тебя к тому, чтобы ты после заботился о ней, — подтверждает мои мысли.
— Но ты не переживай. Она ко всем так. Две недели назад она моего отца терроризировала
и готовила в отцы.

— Ясно, — поджимаю губы и наблюдаю очередную попытку Анфисы забрать животное.
— Стой! Оставь её сегодня со мной. Ничего ведь не случится?

— Она должна спать в клетке.

— Клетку можно установить у меня?

— Не рекомендовано, — мотает она головой, а затем её губы расплываются в улыбке. —
Но если мы ничего не скажем твоему врачу, то можно. Ей просто нервничать нельзя, а она так
психует из-за того, что я пытаюсь её забрать.

— Да что уж там, — хмыкаю. — Только Алёне объясни всё сама. Чтобы не ревновала.

— А может, лучше, наоборот, чтобы ревновала? Тогда в следующий раз в твоей комнате
она останется, — подмигивает девушка, перед тем как выйти.

Всю ночь мы с Мартой спим в одной комнате. Она долго мечется по клетке, но засыпает
лишь после того, как я просовываю сквозь решётку палец, и она, обхватив его, успокаивается.

Я засыпаю довольно быстро. Но сквозь сон в какой-то момент слышу, как кто-то входит
в мою комнату.

— Изменщик, — рычит гость, а после дверь громко закрывается.

Глава 5

Алёна

— Доброе утро, — пытаюсь быть спокойной, когда вхожу в комнату Давида. Но та картина, которую я увидела ночью, до сих пор из головы не выходит. И вроде бы ревность, но с другой стороны — умиление.

Анфиса рассказала мне тяжёлую историю судьбы Марты, которая одновременно и потомство, и свою вторую половинку потеряла. И так жалко обезьянку стало. Приятно, что Давид тоже проникся беременной малышкой и всячески ей помогает. Но то, что у неё налачился контакт с моим мужчиной, меня бесит.

До чего дошла?! Ревную Давида к обезьяне! Ужас! Стыдно даже.

— Доброе, — отвечает Давид, пока я распахиваю шторы на окнах.

Марту Анфиса уже с утра забрала на процедуры с целью проверить её и после посадить ко всем. Но отчего-то она уверена, что Марта вечером вновь сбежит к Давиду. Вообще, у них редко кто сбегает из клетки. Все знают лаз, но только Марта им пользуется.

— Что-то случилось? — спрашивает он меня, приподнявшись на кровати. — Ты какая-то дёрганая и не такая, как вчера.

— Всё шикарно, — отвечаю ему сквозь зубы. — Всё невероятно шикарно! Не переживай! Я в норме, — выдавливаю улыбку, а взгляд то и дело за его руку цепляется. Ту самую, которую обезьянка во сне обнимала.

— Не видно, — вздыхает Есенский.

— А это ты из-за сна ещё глаза не до конца раскрыл, — уверяю его и делаю несколько дыхательных манипуляции, позволяющих мне прийти в себя.

— Правда?

— Чистейшая, — скалю зубы и, увидев его улыбку, полностью беру себя под контроль. Это всё ещё мой Давид. Просто без памяти и дружит с приматом. Лучше уж пусть с ней дружит, чем с другими женщинами. — Пересаживайся на коляску. И поехали готовить блины, — объявляю, хлопнув в ладоши.

— С вишней? — уточняет, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не наклониться и поцеловать его. Глеб говорит, что ещё рано его чем-либо шокировать.

— С вишней, — отвечаю.

Помогаю ему пересест в коляску, хоть основное он делает сам. Я лишь придерживаю, чтобы не укатилась. После везу на кухню.

— Готовить будем вместе, — сразу же предупреждаю его. Чем чаще мы будем вместе делать что-то привычное, тем скорее он всё вспомнит. — Ты займёшься вишней, а я — блинами.

— Хорошо.

— Надо только у Анфисы найти миски или кастрюли, — говорю, параллельно чайник включая. — Только где всё это добро? — хмыкаю и принимаюсь нижние ящики по одному открывать. — Фиска сейчас в клинике и просила её не тревожить. У неё сейчас операция будет. Представляешь, кто-то собаку сбил и бросил на дороге. Детвора принесла. К счастью, вовремя. Там вроде бы лёгкое пробито или... В общем, она сейчас будет операцию на лёгком делать.

— Удивляюсь до сих пор врачам и ветеринарам, — кидает он, и я с ним полностью солидарна.

Я просто не представляю, сколько всего должно быть у человека в голове, чтобы выбрать такой род деятельности. Чтобы быть способным кого-то лечить, чтобы понимать. Чтобы, в конце концов, запомнить столько болячек и знать от них лекарство. А тем более провести операцию.

Гении просто!

— Я помогу с мисками, — говорит Давид и начинает с другой стороны открывать шкафы в поисках необходимого. Муку и сахар я уже нашла. Остальное всё в холодильнике.

— Я тогда сверху буду, — предлагаю Есенскому. — Хотя кто хранит кастрюли сверху?

Примерно на середине мы встречаемся. Ровно в тот момент, когда я открываю верхний ящик, где находятся кастрюли, только...

— Ай! — раздаётся снизу от Давида, когда одна из кастрюль падает на его голову, а за ней, словно по цепочке, остальные три и тяжёлый чугунок. От этого больно становится даже мне.

— Давид! — выкрикиваю, но мой крик не спасает его от череды ударов. — Твою мать! Давид! — испуганно воплю, когда понимаю, что он без сознания. — Мара! Кто-нибудь! Тимур!

Алёна

— Тише, тише, — Анфиса водит ваткой перед лицом Давида, и он вздрагивает, тут же начав руками отмахиваться от чего-то. — Не переживай. Тише! — пытается она его утихомирить. — Это просто нашатырный спирт, Давид. Просто спирт! Уже убираю, — откладывает ватку в ванночку, которую ей Мара подаёт.

— А-а-а, — стонет и морщится он, приходя в себя.

— Мальчики, возвращайтесь в клинику и скажите, что я задерживаюсь, — отсылает сестра двух подростков, которых с собой притащила, когда я позвонила ей и сказала, что Давид без сознания.

— Хорошо. Мы будем в питомнике, — отзываются они и уходят, оставляя нас с больным, которого дотащили до кровати.

— Ты как? — спрашивает Анфиса, оглядывая Есенского. — Шишак будет, — оглядывает она его голову. — Вы чего наверх-то полезли? — обращается она уже ко мне, недовольно качая головой и оглядывая пострадавшего.

— Кастрюли и миски искали, — отвечаю ей, с жалостью глядя на Давида. Его словно контузило. Смотрит в одну точку и не моргает. — Они на него и свалились. Все.

— Это старые кастрюли, Алён, — цокает она и даже взгляд на меня переводит. — Я их использую, когда на улице на костре что-то делаю. А нормальные в посудомойке. Внизу. Откуда ни на кого не свалятся.

— Ну... — поджимаю губы. — Так вышло. Ты его осмотри, — пихаю Анфису. — Всё хорошо? Я ничего ему не сломала?

— Кроме его жизни — нет, — шепчет она, продолжив осмотр. Проверяет реакцию зрачков. А Давид тем временем будто в трансе продолжает находиться. — Давид, ты меня слышишь?

— Слышу, — отвечает, глядя в потолок.

— Ты в порядке? — подхожу с другой стороны и беру его за руку. — Давид, я же переживаю! Я не хотела! Оно само свалилось!

— Алёна, — шепчет он моё имя, взглянув на меня. — Алёна... — повторяет по буквам и вновь в свой транс уходит.

Кажется, мозг повредился. Нужна перезагрузка.

— Да, это я, Давидик, — сжимаю его руку и слёзы сглатываю. — Ты не забыл меня опять? Скажи, что нет. Пожалуйста!

— А ты хочешь меня ещё раз треснуть? — спрашивает он меня. — Больше не выдержу, — даже всхлипывает театрально.

Не сильно, значит, треснула. Таким же дурачком остался.

— Я же не хотела! — виновато губы дую. — Я же хотела тебе блинчики с вишней сделать.

— Голова теперь болит.

— Сильно? — включается Анфиса. — Глеб и его отец уже едут. Сделают тебе МРТ. Посмотрят, что да как. Сколько пальцев показываю? — демонстрирует два, но он даже не смотрит.

— Не трогай меня сейчас, — просит он её напряжённо. — Я хочу поспать.

— Тебе нельзя, — тут же восклицает она. — Нельзя спать, пока Кудиновы не приедут!

— Я сам решу! — начинает рычать на неё. — Мне можно!

— Давид! — пытаюсь его успокоить я.

Что-то с ним не так. Чего он злой такой? Агрессивный? Может, я повредила участок мозга, отвечающий за агрессию и восприятие окружающего мира?

— Оставьте меня одного! — не унимается он.

— Что случилось? Где болит? — недоумеваю я.

— Просто уйдите! Сейчас же!

— Давид!

— Просто выйдите! — уже кричит он. — У меня голова трещит! Я не могу при женщинах показывать свою боль. Дайте мне пять минут! Всего пять минут тишины и одиночества.

— Тогда я остаюсь, — заявляет Анфиса. — Они выйдут, а я останусь, чтобы дальше осмотреть тебя.

— Нет. Ты уходишь с ней, — напряжённо командует ей, но ситуацию спасает Тимур.

— Давид! Твою мать! — ругается он на друга, забежав в комнату. — Ни на минуту не оставишь тебя! Какая-нибудь из Громовых тебя убьёт!

— Бог любит троицу. У третьей всё выйдет, — хмыкает он.

— Тогда мне лучше увести Мару.

— Лучше уведи этих дам. Всех, — молит он его, прикрыв глаза. — И возвращайся.

— Чего?

— Господи! Вы что, глухие? Оставьте меня на пару минут, — выкрикивает он, и Тимур, переглянувшись с нами, выводит аккуратно нас всех. Анфиса еле сдерживает своё возмущение ситуацией. А мы с Марой вообще ничего не понимаем.

— Чего это он? — не понимает сестра-ветеринар. — Может, ему по так голове бахнуло, что он везде врагов теперь видит? Нет, ну у меня, бывает, защемит нерв, и я агрессивной становлюсь. Но не думаю, что это тот случай, — вслух размышляет она.

— Не думаю. Не в его стиле, — задумчиво тянет Тимур и возвращается обратно к Давиду, оставляя нас с девочками только гадать, какой процесс я запустила, уронив на него кастрюли.

В комнату нас спустя заявленные пять минут так и не пустили. И, судя по выражению лица Тимура, происходит что-то ужасное, потому что из комнаты Давида он выходит напряжённым и задумчивым.

Вскоре приезжают Глеб и его отец. После ряда диагностических манипуляций они выносят вердикт, что всё нормально, не считая гематомы на полголовы.

— Мне нужно уехать, — заявляет Давид, выйдя к нам.

— Я его отвезу, — напряжённо добавляет Тимур, звякнув ключами.

— Э-э, — только и открываем рот мы с Марой, совсем потерявшись в своих догадках.

— Не скучай, — подходит ко мне Есенский с палочкой и, чмокнув в лоб, испаряется.

Чего?..

Это что только что было?

Что вообще, твою мать, произошло?

Глава 6

Давид

— Ты уверен, что хочешь это сделать? — спрашивает меня Тимур, выруливая со двора дома Анфисы.

— Я должен всё вспомнить, — отвечаю ему, глядя на дорогу. — Не хватает всего одного ответа на мои вопросы. И пока я не узнаю его, не успокоюсь!

— Но ты ведь Алёну вспомнил, — вздыхает он недовольно, потому как идея и планы мои ему не нравятся от слова совсем. — Значит, всё хорошо. Зачем ворошить всё?

— Нет, — мотаю головой. — Я не вспомнил главного. Почему я её скрывал от родных!

— Но Тиане сказал.

— Сказал, — отзываюсь и хмыкаю. — Но она моя сестра, и я всегда ей сообщаю о том, если что-то мне нравится. Что у этих женщин в голове, хрен его знает, а Тианка знает и всегда подсказывает. У меня шпион по ту сторону лагеря.

— Твои родители тебя потом не отпустят к Анфисе, — логично подмечает то, о чём и я уже подумал. — Следить будут. А потом разлучат вас с Алёной и на гримзе Ире женят.

— Пусть только попробуют! — рычу на него. — Ни за что!

— Что будешь делать? Потом, когда найдёшь ответы? — вздыхает, смирившись с моими планами.

— Вернусь к Алёне, естественно, — фыркаю я. — Что мне ещё делать? Родителям скажу всё как есть. Но этот пункт в моей голове не даёт мне расслабиться. Почему я её скрывал? Почему?!

— А с Ирой что делать будешь? — продолжает он расспросы.

— Тим, она может быть от меня беременна, — цокаю. — Я так как-то не защитился. Всего разок. Но не могло же мне так повезти!

— И?..

— Да не знаю я! — выкрикиваю, и голова ещё больше ныть начинает. И так раскалывается. — Но пока никому ничего не говори, что я вспомнил. Ясно?

— Почему?

— Пока они думают, что я ничего не помню, мне дадут спокойно во всём разобраться. Я скажу обо всём Алёне, когда полностью восстановлю картинку. Пока там куча проплешин.

— Не нравится мне это.

— А мне, думаешь, нравится? — хмыкаю и продолжаю смотреть вперёд. — Мне не нравится то, что я не понимаю и не помню причин многих своих поступков.

Начиная с того, почему я сразу не сказал Алёне, что в первый же день выяснил, кто увёл деньги со счетов.

Можно предположить, что хотел подольше задержаться в компании блондинки. Но у нас ведь был контракт. Я всё равно бы имел возможность её видеть.

— Здесь останови, — прошу Тимура. — Не хочу, чтобы родители видели твою машину и заподозрили тебя в моём похищении.

— Подождать тебя здесь?

— Нет, — дотрагиваюсь до его руки. — Можешь съездить ко мне домой и привезти мне мой домашний ноутбук? — прошу его.

— Тебе нельзя сейчас копаться в твоих файлах. Глеб сказал...

— Плевать, что он сказал, — перебиваю друга. — На кону моя жизнь!

— Алёна тебе не позволит!

— Поэтому для всех это будет твой ноутбук, — коварно улыбаюсь.

— Мара меня убьёт, когда всё вскрыется, — поджимает губы. — А Алёна последний гвоздь в гроб забьёт.

— Ничего! Справимся! Главное сейчас — разобраться.

Выхожу из машины и маленькими неуверенными шагами иду к дому родителей.

Надо было коляску взять, но не хочу маму пугать. Так она меня из дома точно не выпустит.

— С-сынок? — хлопает растерянно ресницами мама, а когда убеждается, что это я, летит ко мне, чуть ли не с ног снося. — Сынок! Это ты! Мой мальчик!

— Да, мамуль. Я, — отзываюсь, обнимая её в ответ и чувствуя боль в колене. Прав был Глеб. Надо было коляску брать. Но сам бы я на ней не доехал, а подставлять Тимура и тех, мне помогает, я не намерен.

Даже если похитили — они мои друзья. И я за них горой.

— Виктор, Тиана, Иза! — созывает она всех в гостиную, не выпуская меня, словно стоит ей прекратить меня касаться, и я испарюсь

— Мам, сложно стоять, — говорю, и она аккуратно помогает мне дойти до кресла.

— Так хорошо? — чуть ли не толкает меня на кресло и в глаза заискивающе смотрит.

— Так круче всего, — произношу, подмигнув ей. — Скучала?

— Да я места себе не находила! — наконец приходит она в себя и начинает паниковать и в какой-то степени ругать. — Исчез! Сбежал! Ни одной весточки! Ни одного намёка на твоё местоположение! Инфаркта мне желаешь?

— Я уходил подумать, — отвечаю ей под топот двух пар ножек. — Я не хотел твоего инфаркта. Так вышло.

Остановившись на первых ступенях лестницы, сёстры застывают. Смотрят на меня, а когда Иза признаёт меня, то летит ко мне со скоростью света.

— Мой Давидик! Мой мальчик! Моя любовь, — причитает она, пока бежит, и заскакивает ко мне на руки. Чудом не задев больное колено. — Мой братик! — трётся щекой о мою щетину. — Мой самый лучший!

— Я тоже по тебе скучал, малыш, — обнимаю её в ответ, принимая всю её нежность и любовь.

— Ты хоть представляешь, что делал со мной? — принимается ругаться. — В больницу попал. Неделью без сознания был, и меня к тебе никто не пускал! А потом взял и сбежал, оставив после себя беременную ведьму Иру!

— Прости!

— Я даже Глебу звонила и просила меня пустить! Умоляла! Он же там тоже главный, — продолжает она. — Руку и сердце ему свою предлагала взамен, а он не разрешил даже глазочком посмотреть на тебя! Гад! Не дружи с ним больше!

— Я подумаю, малыш!

— Как же я тебя люблю, — жмётся ко мне вновь.

— А он тебя не любит, — подходит Тиана сзади, издеваясь над сестрой. — Он любит свою будущую жену!

— Нет, он меня любит! Только меня! — попадает на уловку малышка. — Ну и тебя... иногда. Когда ты не вредничаешь.

— То есть никогда? — хмыкает Ти.

— Ага, — расплывается в улыбке, но обе знают, что я люблю их обеих безумно. Всё ради них сделаю и всем парням их готов челюсти сломать. Но маленькую, созданную ради скуки вражду между Тианой и Изой ничто не может прекратить. Им это приносит удовольствие.

— Всё, девочки! Дайте мне с Давидом поговорить, — включается мама. — Давид, где ты был?

— У друзей, — отвечаю, поджав губы.

— Я была на всех квартирах Глеба и Тимура, — признаётся родительница, но я даже не сомневался, что она это сделает. — Даже у их родителей. Тебя там не было!

— Хорошо прячусь. Скажи?

— Ты понимаешь, что делаешь со мной?! — воспаляется родительница. — С папой?!

— Я понимаю, что делаю, — отвечаю в тон ей. — Спасая себя от тебя. От твоих мыслей женить меня на Ирочке. Я не хочу на ней жениться, мам. Я вам ещё в больнице об этом сказал, — напоминаю ей с нажимом. — Но меня никто не услышал. Благо у меня хорошие друзья есть.

— А я говорила, что моему Давидику эту ведьма не нужна! — гладит меня одобрительно Иза по голове. — Пусть уходит из нашего дома. Выгони её из нашего дома или я за себя не ручаюсь. Моё терпение уже на нуле.

— Она здесь? — кидаю взгляд на лестницу.

— Да, — отвечает родительница. — Мои будущие внуки здесь.

— Внуки? — переспрашиваю.

— Да, — хмыкает мама. — У Ирочки двойня. Ночью у неё был приступ и угроза выкидыша из-за твоих фокусов. Мы и узнали, что там двое.

— Детей приму, если мои, — сразу предупреждаю, чтобы не строила воздушные замки. — Но на ней не женюсь.

— Давид, это — твои дети! Неси ответственность за свои поступки! — восклицает родительница, а отец, что появляется за её спиной, опускает руку ей на плечо, просит успокоиться.

— А я её не помню, — произношу в тон ей. — Значит, ничего не было!

— У тебя амнезия. Вспомнишь!

— Я другую люблю!

— А её ты помнишь? — злится мама.

— Да, — выпаливаю. — Лучше всех остальных!

— Да? — даже привстаёт на ноги от той злости, которую я ей посылаю. Она до трясучки недовольна моим поведением. — И какая она из той сотни девиц, что приходили ко мне за этот месяц?

— Та, что под сердцем носит моих детей, и на которой я в итоге женюсь.

— То есть любая?

— Самая красивая, мам, — уточняю, но она вряд ли понимает, о ком я. — Она самая красивая и яркая среди всех. Как ты.

— Давид! — темноволосая Ирочка с заметным круглым беременным животом несётся ко мне. — Ты нашёлся!

— Держи свои клешни подальше от моего брата! — вскакивает Иза и не подпускает девицу ко мне. — Иначе я тебе их ночью отрублю! Пилочкой отпилю! Твоей же! — угрожает, и даже мне становится страшно за руки моей бывшей. Но! Эта гадинка решила обойти меня и пришла сразу к моим родителям. Так что долой жалость.

— Изенок, — тяну сестру обратно к себе на здоровое колено. — Молодец, — шепчу. — Я только твой.

— Да, — соглашается она довольно.

— Давид, ты меня помнишь? — строит из себя невинную жертву.

— Нет, — вру. — Извини.

— Что? — изображает из себя мученицу. — Ты ведь обещал на мне жениться. Кричал о любви! О детях! О семье! — нагло лжёт гадина.

Может быть, о любви я ей что-то и говорил, и даже шутил о свадьбе, но это дешёвый подкат к любой девушке. Да и каждая из них понимает, что это несерьёзно. Ведь переспав с ними, я чётко оговариваю границы. Проговариваю, что меня интересует лишь близость. Многие соглашаются на эту роль из-за денег. Как и Ира. Ради подарков всегда была готова встретиться. И тут любовь... дети... свадьба... Не на того она нарвалась.

— Не помню, — пожимаю плечами безразлично.

О любви я честно говорил лишь Алёне. И её на свадьбу уговаривать пытался. А вот этой... Нет, лжёт она.

— Тётя Роза... — выдавливает слезу и к моей матери оборачивается. — Он не помнит меня.

— Ничего! Вспомнит.

— Мам, а ты вообще уверена, что она от меня беременна? — привлекаю её внимание к себе. — И она не одна из тех, кто приходят к тебе сотнями?

— Уверена, — отвечает мама и, подойдя к шифоньеру, достаёт оттуда конверт. — Ты же знаешь, что я всех проверяю, — опускает передо мной конверт с эмблемой клиники Кудинова и отделения анализов. Мама сделала ДНК.

И если Ира здесь, то дети и правда мои.

Чёрт!

— Мы правда были вместе, Давид, — заговаривает Ира, когда, поднявшись в её комнату, мы остаёмся наедине. — Много времени проводили в твоей квартире. Разговаривали, готовили и смеялись. И... вот ещё что делали, — на живот показывает, но у меня от одного его вида отвращение.

Ну не может там быть моих детей. Не может. Иначе почему так тошно?

— Возможно, — соглашаюсь с ней. — Но это не значит, что я женюсь на тебе лишь после твоих рассказов. Ты и соврать можешь, — говорю ей прямо в лицо.

— Скоро живот платью уже не скроет, Давид, — начинает она мягко давить. — Я не могу выйти с пузом. Меня засмеют все. Да и твоя мама говорит, что такая слава вашей семье не нужна.

— Да, — киваю, задумавшись над её словами. — Здесь она права. Свадьбу надо сыграть до того, как живот станет заметен, — произношу, думая об Алёне.

И пусть Громова не беспокоится об этом, но лучше сделать её своей женой как можно скорее. Тем более сейчас, когда она крутится вокруг меня, как вокруг яйца, и всё мне прощает. Не ёрничает почти.

Надо брать быка за рога.

— Давид, то есть свадьба будет? — поджимает она губы и с надеждой смотрит на меня. Думает, что она станет моей женой, но нет. Я так не сдамся.

— Конечно, — прыскаю

— Позвать твою маму? Обсудим дату? — хватается за возможность породниться с моей семьёй и присосаться к бюджету.

— Я куплю тебе квартиру, — расставляю всё по местам. — Чтобы собственная была. И вам с детьми ничего не надо было.

— Конечно! Так здорово! Спасибо! — говорит и к двери идёт, за которой родители подслушивают. И которые не успевают вовремя сбежать и оказываются пойманными с поличным.

— А мы... мимо проходили, — улыбается мама натянуто.

— Так окно дальше, — выгибаю бровь.

— В окно смотрели, — отвечают они, и я ещё больше выгибаю бровь. — Ладно! Подслушивали, — сдаётся родительница. — Свадьбу на какое число планируем?

— Через две недели, — отвечаю ей.

— Две недели? — переспрашивает и удивлённо с Ирочкой переглядывается. — Ты уверен, дорогой?

— Этого времени мне вполне хватит, чтобы во всём разобраться, — отвечаю, встаю с кровати и иду на выход. Ответов здесь искать не стоит. Их нет. Здесь что-то другое.

— Но через две недели суд будет, — летит мне в спину. — Над Громовыми.

— Что? — полностью отдаю своё внимание маме.

— Арина Громова, которая на тебя напала. Через две недели её судят, — разворачивает слова матери отец. — Мы будем там. Мы должны быть там.

— Будем! — поддерживает его маман. — И будем требовать максимальный срок для этой ненормальной и её семейки!

— Для её семейки?

— Да! Для всей!

— Но ведь...

— Да, мы помним, что Тимур тоже Громов, — кивает отец. — Против него мы ничего не имеем. К тому же он другая ветвь семьи этой чокнутой маньячки.

Хм-м... Можно было бы посчитать, что из-за этого я скрывал Алёну от родителей. Но такое решение я мог принять лишь после нападения Арины и если бы помнил всё. А я не сообщал про Алёну ещё до нападения.

Если другая причина.

— А больше Громовы тебе ничего не делали? — решаю спросить.

— Нет. Больше ничего, — отвечает папа. — А почему ты спрашиваешь?

— Да кое-что у меня в голове не сходится, — задумчиво говорю.

— Что именно?

— Пока неважно, — отвечаю и ковыляю на выход из комнаты. — Мне ехать надо.

— Куда?

— Домой, — кидаю, уже аккуратно спуская по лестнице. Родители и Ирочка следуют за мной. — К семье.

— Мы твоя семья, Давид.

— Тогда к своим похитителям, — не удерживаюсь от шутки. — Они же на время только согласились отстегнуть меня от батареи. Надо вернуться на матрас в подвал.

— Давид! — возмущённо пищит мама.

— Ирочка, я пришлю тебе варианты квартир, — говорю потенциальной матери моих детей. Ну не верю я ей. — Тиана, Иза, я наберу вам, — шепчу им. — Приглашу к себе. Мама, папа, позвоню, как похитители телефон дадут.

— Но как же свадьба?.. Мы же должны к ней готовиться, — мама решает играть на новой теме, думая, что так остановит меня или встречи наши чаще сделает.

— Делай всё на свой вкус, — бросаю ей. — Невесте сделаем сюрприз.

— Какой сюрприз, если невеста всё уже слышала? — недоумевает родительница.

— Если бы, — бросаю и при помощи сестёр выхожу из дома.

Изе приходится быстрее попрощаться со мной, чтобы не дать родителям проследить за нами и дать подслушать их общее с Тианой мнение. Младшая сестра берёт на себя обязанность отвлечь маму с папой и “ведьму”.

— Я видела твою девушку. Ничего такая, — произносит Тиана. — Вы правда были с ней вместе. А Ира... ты ей не доверял.

— Знаю, — свожу брови к переносице.

— Ты помнишь всё? — удивлённо понимает.

— Почти всё, — отвечаю. — Я не помню, почему скрывал Алёну от родителей.

— Правда?!

— Ты знаешь? — хватаю ее за руку и жду ответа. Потому что сестра и правда может знать. Она вообще очень много чего знает.

— Знаю, — выкатывает свою фирменную улыбку. — И я готова тебе это сказать, если уговоришь родителей отправить меня в Лондон учиться, — хлопает ресницами на манер матери.

— Ти, — мотаю головой. — Никакого Лондона!

— Тогда сам вспоминай, — скрещивает руки на груди.

— И вспомню! — с вызовом бросаю. — Парочку раз ещё кастрюли себе на голову уроню и вспомню. Но ты ни в какой Лондон не поедешь! Ясно?!

— Вредный, как Иза! Видно, что её брат!

— Упрямая, как наша мать!

В ответ мне звучит рычание, а после сестра разворачивается, ударив меня волосами по лицу, и идёт в дом.

Обиделась. Но я знаю, зачем ей в Лондон, и ни за что не пущу её туда одну. Разведут, как в прошлый раз. Благо тогда я мозг ей вставил. Но оказалось, ненадолго.

Глава 7

Алёна

— Какой-то он странный, Алён, — вздыхает Анфиса, пересчитывая свои скляночки. — Взял умотал. Ему ведь нельзя!

— Он и раньше был упрямым, а сейчас ничего не изменилось, — отвечаю, помогая ей в клинике проводить ревизию медикаментов и список необходимого составлять.

Надо же как-то оплатить наше пребывание в её доме в таком количестве. Мара на себя кухню полностью взяла, Тимур работает по своим делам и в перерывах берётся за починку сломанного. Мне осталась мелкая помощь в ветлечебнице.

— А ты вообще уверена, что он тебе нужен?

— Он нам нужен, — обвожу живот рукой. — Очень нужен. Да и люблю я его. Не думала, что когда-нибудь смогу это ощутить, но я его люблю.

— Видно, — вздыхает сестра и взгляд на меня поднимает. — Бьёт — значит, любит, как говорится. Вот ты его кастрюлями и побила. Да так его любишь, что мужик сбежал от тебя.

— Да не сбежал он от меня, — цокаю языком и глаза закатываю. Достали меня уже с Марой подкалывать на этот счёт. У него дела. — Просто... — хочу оправдать нас, но сдаюсь. — Да откуда я знаю, что с ним, Анфис? Мне и так не очень весело от его побега. Успокоиться не могу, а ты мне ещё тут напоминаешь.

— Прости, — извиняется она, и мы возвращаемся к ревизии.

Больше тему моих взаимоотношений с Есенским мы не трогаем. Продолжаем дальше заниматься тем, зачем сюда пришли.

— Слушай, а этот Глеб? Он нормальный? — неожиданно спрашивает сестра, когда мы переходим к пищевым шкафам.

— Ну да, — не сразу понимаю, зачем она спрашивает. Но затем до меня доходит, и я начинаю перечислять все его плюсы. — Врач-гинеколог. Один из лучших. Работает в клинике отца. При деньгах. Весёлый. Юморной. Друг хороший. Меня поддержал, когда я Давида похитила.

— Если поддержал, то не очень-то и нормальный, — скорее сама себе говорит, но я успеваю уловить.

— А что, понравился? — поигрываю бровями.

— Да нет, — отводит взгляд, но я-то знаю такие взгляды. Не одну пару свела. — Он просто внимание мне уделяет. Вот когда мы обезьянок осматривали, он так себя вёл... Вежливо. Грамотно. Культурно, — рассказывает, но, поняв, что я не верю в её басни, сдаётся. — Как мне привлечь его внимание? Чтобы он сюда не только из-за твоего Давида приезжал.

— Назови одну из своих обезьян Глебелла, — бросаю в шутку и даже позволяю себе рассмеяться. — Сразу внимание его привлечешь.

— Так у меня есть, — подходит к стенке с фотографии животных своих. — Вот Глеб-Эла, — показывает на подпись на полном серьёзе. Даже не улыбается.

— Вы точно созданы друг для друга, — восклицаю я и смеюсь. — Ну, ты к нему присмотришься, Фис. Он правда мужчина неплохой. Видный. Богатый. Одинокий. Работает только много, но и ты у нас не домоседка, — подбадриваю её и склоняю к тому, ради чего именно Давида сюда привезла.

Играю свою роль с детства — сваха.

— Мне именно этим и понравился. Не люблю трутней, — признаётся Анфиса мечтательно. — Мне нравятся такие, как мой папа. Чтобы работали, и их заслуги видно было. А врачи вообще моя слабость. Ты же знаешь.

— То есть... вам устроить свидание? — уже предвкушаю новую пару и то, как они будут притираться друг к другу, а потом у нас в семье будет личный гинеколог.

— С этим я сама разберусь, — хлопает она меня по плечу. — Ты со своим Давидом свидания устраивай.

— Да какие свидания? — даже расстраиваюсь от её слов. — Он меня не помнит.

— Пф-ф! Зачем ему тебя помнить? — аккуратно подводит меня к главному Анфиса. — Зачем вообще за прошлое цепляться, Алён? Устрой вам всё с самого начала. Свидания, ухаживания и тому подобное. Ну зачем оправдывать всё болезнью? Живи настоящим и будущим! — хмыкает с полуулыбкой, пока на моём лице расцветает настоящая — зажигательная и готовая к приключениям.

— Фис, а ты умная! Знаешь?

— Знаю, — поправляет на себе очки. — Как-никак вундеркинд и первый ветеринарный врач в девятнадцать лет.

Анфиса не любит хвастаться, но она у нас и правда умная. Школу экстерном закончила. Отец сразу её отправил дальше учиться на ветеринара за границей. Но и там она словно бы скакала по курсам. В итоге уже в девятнадцать свою клинику открыла при помощи отца. Он у неё тоже врач. Человеческий. Пластический хирург.

— Мы здесь ещё долго будем? — окидываю взглядом кабинет.

— Спешить?

— Хочу Давиду обед приготовить вкусный, — признаюсь ей.

— Беги, — отправляет взмахом руки. — Я с тем шкафом сама разберусь, — указывает на последний. — Но на меня тоже приготовь.

— Есть, шеф! — уже собираюсь бежать.

— Ой, и там ещё мальчишки должны забежать, — кричит она мне вслед. — Починить лаз для обезьян в клетке. Проследи, чтобы к малышам не лезли. Самки могут взбеситься и покусать парней.

— Будет сделано!

Глава 8

Давид

— Привет, — вхожу в кухню с букетом цветов, которые мне Тимур помог купить по дороге.

У самого у меня уже нога отваливается. Прав был Глеб, твердя, что не нужно мне вставать. Коленка вся опухла, иштаны жмут. Жду момент, когда сниму их, но вначале нужно поговорить с моей оторвой.

— Алёна, — называю её по имени, привлекая внимание своего поварёнка от готовки.

— Давид? — оборачивается она и откладывает половник, ярко сверкнув глазами. — Ты вернулся? Ко мне?

— Да, — ковыляю до стула и сажусь. — Я кое-что вспомнил и решил, что это важно, чтобы вспомнить всё, — признаюсь ей, приоткрыв правду лишь немного.

Мне нужно время.

— И что же? — садится напротив меня, заинтересованно глядя мне в глаза. — Расскажешь?

— То, что на Ире я жениться не хотел, — пожимаю плечами и блинчик со стола краду. — Я её не любил.

— Вот! А я тебе об этом же, — идёт к холодильнику и варенье и сметану мне достаёт, создавая вокруг меня какую-то лёгкую, семейную атмосферу. Где у нас такой же дом на земле. Где Алёна кормит меня чем-то и мы сплетничаем. Даже уезжать в шумный город больше не хочется. — Мы тебя поэтому и похитили, потому что тоже не поверили в то, что ты мог быть с этой.

— Слушай, а ты с моими родными не скандалила? — всё ещё не могу успокоиться и пытаюсь причину выяснить.

Можно было бы пойти на поводу у Тианы и выполнить её условие, чтобы узнать причину. Но я больше её в Лондон не пущу. Она ведь в своё модельное агентство опять поскачет и там её до анорексии своими комментариями доведут. В прошлый раз её на грани поймали и больше никуда без меня или родителей не пускают.

Молодёжь, блин! Ни ума, ни фантазии! Совсем на своей худобе помещались!

Алёнка у меня вон какая аппетитная. Да, килограмм пять лишних есть, но так самый сок. Целуешь и знаешь, что целуешь. Но и полненькой её не назовёшь. Ей до этого состояния ещё есть и есть.

— Ну... немного! — тянет Алёнка виновато. — Ты когда память потерял и мы тебя сюда привезли, я поехала их успокаивать. А они на меня накинулись и... В общем, только Тиана и Иза мне поверили.

— Хмм... а до этого не было ничего?

— Нет, — мотает она головой. — Ты нас не знакомил.

И это я прекрасно помню.

— Я знаешь, что подумала? — неожиданно подскакивает и на меня смотрит, закусив губу. — Если ты не можешь вспомнить меня, то предлагаю познакомиться заново. У меня, конечно, будет преимущество, ведь я знаю тебя, Знаю чем тебя удивить, но считай это моим бонусом за беременность. А вот тебе придётся меня удивлять и заново узнавать, — говорит мой ангелок и мне даже не вериться, что мы можем больше суток не ссориться. Даже скучновато.

— Начать всё заново? — переспрашиваю, хмыкнув.

— Ага! — активно головой кивает. — Свидания будет организовывать друг другу и тому подобное. Мило и чинно. И тебе не будет обидно, и мне приятно и весело.

Это она называет заново? По мне мы сейчас всё переиначим. Начинали мы-то со скандалов...

Но я ведь этого официально не помню. Можно слегка переиграть малышку и под себя её поднять. Она ведь ко мне больному будет относиться слегка иначе. Обижаться не будет.

— А мне нравится, — беру очередной блинчик и надкусываю. Но их точно не моя девочка готовила. Вкус не тот и толстенькие. У моей мадам они тоненький, ажурные и нежные, как её кожа.

— Тогда я сейчас тебя кормлю, — отбирает у меня тарелку с блинами, застав меня врасплох. — А потом вечером приглашаю на наше первое свидание. Его организовываю я. А ты завтра организуешь. Постарайся меня удивить, Давид, — целует меня в лоб и уйдя к плите, борщ в тарелку мне наливает.

— Хорошо.

— И всё в пределах ферма и больницы Фиски, — предупреждает. — Хорошо?

— Конечно, — отзываюсь.

— Отлично! — отвечает и принимается стол готовить к обеду, а я отвлекаюсь на Тимура, который договорив с Марой на улице, входит в дом.

— Ты ведь знаешь, что она тебя убьёт, когда поймёт, что ты помнишь всё и голову ей морочишь? — спрашивает друг шёпотом.

— Знаю. Но так она будет думать о свиданиях, а не о том, что другая женщина тоже ждёт от меня детей, — вздыхаю и накрываю рукой карман, в котором ДНК-тест, который забрал, чтобы потом с Глебом поговорить и потребовать у него ответы.

Алёна

— Поехали, — везу его на коляске на задний дворик дома Анфисы.

— Обязательно было в коляску сажать? — недовольно возмущается этот самостоятельный с коленом размером в шарик. — Я бы сам дошёл.

— Глеб сказал, что надо ещё покой ноге дать, — бурчу на него и продолжаю вести на лужайку. — Вот мой сюрприз, — указываю на покрывало на траве и корзинку с нашим лёгким ужином. Ребятам Мара приготовила полноценный с рыбой и мясом на гриле. А у нас с Давидом будет только рыба. — Теперь закрывай глаза и делай вид, что мы не знакомы. И ты будто бы прикатил ко мне познакомиться, — раздаю нам роли и сажусь на плед, принимаю позу одинокой романтической девушки, ждущей своего принца.

— Я к тебе? — всю романтику мне ломает.

— Ну не я же, — восклицаю. — Я на покрывале сидеть буду. А ты приезжай.

— Ладно-ладно, — сдаётся, разведя руками и далее на протяжении нескольких дней мы устраиваем друг другу лёгкие, недолгие свидания.

Как-никак Глеб запретил Давиду много вставать с кровати. Но прогулки по часу в день одобряет и даже иногда сам прогуливается. А иногда Дава с Тимуром пропадает где-то. Мы даже следили за ними, но упустили этих скрытных.

У этих двоих точно есть какая-то тайна. И мы с Марой обязаны её узнать! Всеми силами! Чего бы нам это ни стоило!

Но, как оказывается, тайн намного больше, чем мне казалось.

— Не втягивай меня в это, Алён, — умоляюще просит Мара. — Я не собираюсь этого делать. Ты понимаешь, на что собираешься меня подписать?

— Мар, ничего ужасного я не собираюсь делать, — уверяю её. — Мы просто одним глазом посмотрим.

— Нет-нет-нет!

— Да, Мар! Нам нужно! Очень нужно!

— Алёна, отстань, — отмахивается от меня, как от назойливой мухи, и продолжает готовить.

— Мариночка, солнышко моё, ну, пожалуйста, — молю её. — Я не заставляю тебя лезть в его комнату. Я сама всё осмотрю. Ты просто будь на стрёме. И когда парни будут идти, дай мне знать, чтобы я смогла смыться. Хорошо?

— Я есть готовлю, — на кастрюли указывает.

— Ты и не отвлекайся. Готовь и будь на шухере, — ослепляю её белоснежной улыбкой.

— Ладно, — наконец она сдаётся и откладывает половник в сторону. — Но пойдём мы в комнату Давида вместе, — заявляет. — Если нас поймают, то хотя бы получу за дело.

— Ты моя самая лучшая сестра, — чмокаю её в щеку и, убавив за неё огонь на плите, первой крадусь в комнату Давида.

Идея обыскать его комнату и найти хоть какие-то зацепки, чем он тут занимается втайне от меня, возникла у меня пару дней назад. Почему что он всегда запирается и пугается, когда я неожиданно вхожу.

Вначале я себя сдерживала и всячески отговаривала от этой идеи, ведь это вмешательство в его частную жизнь, но когда я честно решила спросить его, чем он занимается втайне от меня, он отмахнулся и сказал, что мне кажется.

Но мне-то не кажется! Я женщина, и я такие вещи чувствую с самого детства! И я могу с лёгкостью определить, когда меня выставляют дурочкой.

Крадучись заходим в комнату и молча разделяем пространство на две секции, взяв себе под контроль по одной. Киваем друг другу и начинаем искать то, что могло бы привлечь наше внимание.

Поначалу поиски не дают никакого результата, и я даже понижаю, решив, что у меня на почве беременности началась паранойя.

— Ничего нет, — объявляю и грустно опускаюсь на кровать. — Может, мне показалось? Это просто гормоны? — предполагаю, но самой не верится, что это так..

— Тогда это коллективно, — хмыкает сестра и садится рядом.

Наконец, спустя столько времени у нас с ней начали виднеться беременные животики. Теперь с первого взгляда видно, что мы не зря “лучшие сестры”. Мы забеременели одновременно почти. У обеих двойня. Обе встречаемся с лучшими друзьями.

Когда мама и папа решили удочерить двух малышей из детского дома, я была ещё ребёнком. Не очень во всём этом разбиралась и думала, что если они будут называть моих родителей мамой и папой, то значит, я непременно буду их любить.

Но... первый месяц после знакомства с близняшками был сложным. Я жутко ревновала и маму, и даже папу, который только появился у меня самой. И если бы не бабушка, то, думаю, не смогла бы я смириться с тем, что любовь родителей надо делить с кем-то.

Потом я решила с ними подружиться, но дружить с Ариной всегда было сложнее. Она всегда пыталась перетянуть внимание родных на себя и этим раздражала. С Мариной всё было легче. Она словно бы понимала, что мне сложно, и сама тянулась именно ко мне, а не к маме и папе.

Может, в этом причина, что я люблю одну свою сестру больше, чем другую. Она понимала мои чувства и помогала мне с ними справиться. И тогда, и сейчас.

— Чувствую себя параноиком, — признаюсь ей и откидываюсь на спину, разрешая себе полежать на кровати.

Та издаёт характерный скрип, но он меня не смущает. Но заинтересовывает Мару.

— Стоп! — сводит брови к переносице и несколько раз подпрыгивает на месте, слушая скрип. — Под матрасом что-то есть, — заявляет напряжённо.

— Что? — приподнимаюсь.

— У нас с Тимуром такая же кровать. Но она скрипит чуть иначе, — объясняет, вставая. Сгоняет меня с кровати Давида и приподнимает матрас. — Ноутбук, — оповещает, доставая его и демонстрируя мне.

Поджимаю губы и забираю у неё вещь, помогая привести кровать в прежний вид.

— Надеюсь, это не его, — мстительно прищуриваюсь и, опустив ноутбук на постель, крышку открываю.

— Пароль, — тянет Мара и, отодвинув меня, печатает что-то в поле ввода. — У Тимура ноутбук не этой марки. А Глеб ничего не привозил, — говорит, клацая. — А пароль Давида подошёл... — поднимает на меня сочувствующий взгляд.

— Какой пароль?

— Такой же, как на телефоне, — поворачивает экран ко мне, и я ещё больше начинаю злиться, увидев заставку, где мы с Давой вместе. Отдых в горнолыжном отеле.

— Я его убью! — рычу.

— И станешь матерью-одиночкой, — на всякий случай напоминает Марина.

— Глеб же запретил! Это плохо для его сотрясения! — возмущаюсь. — Ну, я ему устрою!

— Алён...

— То есть я его берегу, скандалы сдерживаю, — не унимаюсь, — пытаюсь ему создать спокойную обстановку, чтобы он выздоровел скорее, а он в компьютерах сидит, несмотря на запреты? Ну, я ему устрою! Хватит покоя! Алёна возвращается! Не хочет спокойной жизни, я ему устрою весёлую!

Давид

— Где девочки? — недоумевает Тимур, глядя на плиту, где варится обед, а никто за ним не присматривает.

— Красотули, — зову их, но никто не отзывается, и я подозрительно оглядываюсь на друга. — Не нравится мне эта тишина, Тим. Очень не нравится.

— Мне тоже, — признаётся он. — Но я вроде нигде не накосячил. Так что, вероятнее всего, по твою душу тишина.

— Или у Анфисы что-то случилось? — не теряю надежду на спасение. — Покатили в комнату мою, — говорю Тимуру, и он помогает мне поменять коляску на костыли.

Отец Глеба вчера разрешил мне сменить метод передвижения по дому, ведь после коляски приходится девочкам полы перемывать по несколько раз, а нашим беременным мадам нельзя напрягаться в их положении. Это уже Глеб запретил.

Последние остатки оптимизма я теряю, войдя в свою комнату, где застаю сестёр Громовых с моим ноутбуком на коленках. И с таким выражением лиц, которое обещает мне адские несколько часов жизни.

— Д-девочки? — натягиваю улыбу. — Вы нашли ноутбук Тимура? Он его у меня оставил вчера и...

— Да-да, оставил, — подтверждает друг, но, поймав взгляд жены, тушуетсся и делает шаг назад.

Трус! А ещё друг называется...

— Какой у меня, однако, хороший братик! Как он меня любит, — притворно сладко поёт моя голубка, и я понимаю, что попался. — Ставит как пароль не имя своей жены, будущих детей... Моё имя. Вот ведь настоящая семейная любовь!

— Он очень тебя любит.

Мне кранты. Она мне сейчас этим ноутбуком очередное сотрясение устроит.

Но, может, тогда память вся вернётся?

— Давид! — восклицает она и подскакивает на ноги. — Ты за дуру меня держишь?!

— Нет, просто...

— Просто тебе наплевать на своё здоровье! — кричит Алёна. — Наплевать, что врачи запретили тебе сидеть в гаджетах.

Мара, прижавшись к стене, медленно двигается на выход. Кажется, не только я понимаю, что сейчас будет кровь и мясо.

— Алёна, пойми...

— Ничего не хочу понимать! — не даёт и слова сказать. — Я ради тебя тут на цыпочках хожу. Всё делаю, чтобы ты вспомнил. Даже не ору на тебя. На себя вообще не похожа, а ты элементарно ради своей памяти не можешь пожертвовать ноутбуком.

— Я...

— Ты безответственный идиот! — не может успокоиться она. — Который ничего не ценит вокруг себя! Если ты не помнишь меня, если тебе наплевать на меня, если тебе всё равно на детей, которых я ношу под своим сердцем, если тебе начхать на моё здоровье и мои нервы, так чего ты не пощадишь дядю Эльдара, который к тебе каждый день сюда мотается и помогает здоровье поправить? Тебе его не жалко? Он, может, и не стар, но он врач! А они, на минуточку, несколько дней могут не спать из-за больных! Из-за операций! Его не жалко?!

— Я пытаюсь вспомнить! И мне для этого нужен ноутбук! — прерываю её громко, устав от того, что она меня будто школьника отчитывает. — И мне не наплевать на тебя и на Эльдара!

— А по тебе и не скажешь! Начхать на всё!

— Не начхать!

— Начхать! — орёт она не своим голосом. — Я терпела! Я копила! А ты...

— Идиот?

— Хуже!

— Кто может быть хуже? — с вызовом спрашиваю и костыли отбрасываю. Они весь мой образ портят.

— Ты можешь быть хуже!

— Истеричка!

— Кретин! — выпаливает она, и я, не в силах себя больше сдерживать, обхватываю рукой её талию и прижимаю к себе. — Какая же ты темпераментная, Алёна, — произношу перед тем, как поцеловать её. Жадно. Властно. Горячо.

Впервые после потери памяти касаюсь её. В голове проносятся кусочки воспоминаний, связанных с ней. С моей горячей кошечкой, которая только и умеет, что со мной ругаться и спорить.

— Кажется, у меня гормоны, Дава, — рычит она мне в губы, когда я перестаю её целовать.

— Что?

— Мне плевать, что ты меня не помнишь. Я тебя помню, — говорит она и сама тянется к моим губам, а после аккуратно в сторону кровати утягивает. — Мне надо. Очень надо. Иначе я тебя убью!

— Будет сделано, принцесса!

— Принцесса? — переспрашивает она, и я понимаю, что спалился.

— Разве я так тебя никогда не называл? — строю из себя дурачка.

— Называл! — шепчет она, а после нам становится вовсе не до разговоров.

Кажется, беременность ей идёт только на пользу. С ней она стала ещё скандальнее, горячее и ненасытнее. Настоящий зверёк в теле моей голубоглазой блондинки.

— Как же мне этого не хватало, — шепчу, держа её в своих объятиях и целуя в висок.

— Что? — лениво отзывается.

— Говорю, что ещё парочка таких скандалов, и я точно всё начну вспоминать, — блуждаю непослушной рукой по изгибам её тела, которое меняется с каждым днём.

— Я подумаю, — ослепляет меня улыбкой. — Но пообещай мне, что больше не будешь сидеть в ноутбуке. Это и правда плохо для твоего здоровья.

— Обещаю, — даю честное слово, потому как больше мне в нём искать нечего. Там ничего нет.

А Глеб, который может дать мне хоть какие-то ответы, не отвечает на мои звонки и сообщения. И присылает своего отца, который проверяет моё здоровье.

Кажется, не стоило Кудинову фотографию справки присылать.

Глава 9

Давид

— Да ёкарный бабай! — рычу в трубку, когда меня в очередной раз встречают гудки и тонкий намёк идти куда подальше. — Тимур, он издевается надо мной?

— Скорее всего, — отвечает на автомате, не отвлекаясь от своей работы.

— Уже неделя! — откровенно злюсь и сбрасываю звонок. — Он не отвечает на мои вопросы уже целую неделю! Разве друзья так поступают?! Разве сложно поднять трубку и ответить на мои вопросы? А вдруг мне плохо, и я поэтому звоню? — не могу успокоиться. Ни сам не отвечает, ни его отец ничего не знает. Но зато Кудинов-старший признался, что его сын и правда не хочет отчего-то к нам сюда ехать.

— Не знаю, — Тим разводит руками.

— Вот ты мой друг и всегда мне во всём помогаешь, — продолжаю высказываться свободно, ведь девочек нет дома, а Тимур в курсе всего. — Отвечаешь на мои звонки, несмотря на то, что иногда я звоню с реальной фигней.

Например, как в тот раз, когда я набрал его в три часа ночи, не сумев решить, какой хлеб мне поджарить в тостере. Белый или чёрный. Да, тогда я просто издевался над ним. Но он ведь и трубку взял, и ответил на мой вопрос. А потом ещё и приехал со мной хлеб жевать и мой мини-бар опустошать.

Хлеб мы, кстати, и тот, и другой в итоге поджарили. Нужно же было чем-то закусывать.

— Ага, — кидает Тимур.

— И не приезжает, гад!

— Ага.

— Тогда, если гора не идёт к Магомету, Магомет идёт к горе, — хмыкаю и, найдя взглядом ключи от машины Тимура, направляюсь к ним на костылях. — Ну, ты встаёшь? — бросаю в сторону работающего друга, который не только меня “слушал”, но и кидал односложные ответы, делая видимость, что он со мной согласен. Знаю я, что он слушал — свои отчёты нескончаемые.

— А? — кидает на меня взгляд и отвлекается от работы в ноутбуке. — Ты куда?

— Ты вообще меня слушал? — удивляюсь, осознав, что всё это время говорил в пустоту. Я думал, он хотя бы скелет в голове собирал, а он...

— Вполуха, — признаётся и откидывается на спинку дивана. — Я же говорю. У нас проверка на носу. Надо всё проверить и в случае чего подбить, — оправдывается, но я его понимаю. Это мне сейчас везёт, что родные дела на себя взяли, иначе сам бы зашивался.

— Подождёт твоя проверка, — кидаю ему ключи, которые он ловит. — Мы едем к Глебу! — заявляю ему.

— Зачем?

— Вытрясать из него ответы! Зачем ещё? Поехали, — киваю на дверь.

— Ну уж нет, Давид! — тянет он и головой мотает. — Если Алёна узнает, что я тебя из дома увёз, то она меня проклянёт. Меня и ещё пять поколений моих потомков.

— Твоя жена — её сестра, так что обойдётся без проклятий пяти поколений, — подмечаю важно. — А со своим личным проклятием как-то справишься, если она, конечно, не импотенцию нашлёт, — рассуждаю, понимая, что она и правда может такое с братом сделать. — Но мы тогда найдём другого шамана, и он тебе всё починит.

— Нет, Дав. Прости, — поджимает губы и руки в извиняющемся жесте разводит.

— Мне нужно узнать ответы, Тим! Ты вообще понимаешь, что наш друг крысой мог оказаться? — наступаю на него с доводами и справкой, которую тогда у родителей взял. — Я должен знать, в чём дело. Не зря же он нас игнорирует. Даже с твоего номера трубку не берёт.

— Сколько времени? — кидает он взгляд на часы и цокает. — Ладно! До обеда девочек ещё пять часов. Успеем съездить туда и обратно. Пока их нет. Но в случае чего — ты меня заставил! Я не хочу импотенцию!

— Да без бэ! Всё скажу! Нам с Алёной скандалы сейчас на пользу идут! А Глеба надо дожать!

— Поехали! Быстро! — подгоняет он меня.

Времени нам должно хватить, если они, конечно, пораньше не вернуться.

Алёна

— Присаживайтесь. Я сейчас заполню вашу карту, и доктор вас вызовет, — отвечаю женщине с померанским шпиком и отправляю её на диванчик.

— Вот ваша выписка, — передаёт Мара чек другой клиентке ветеринарной клиники Анфисы, где мы пару дней будем замещать администраторов.

Специалисты, что здесь работают, не могут из своей деревни выехать. Снег таять начал, и у них дороги затопило.

Но клиентов, как назло, меньше не стало из-за погоды. У Анфисы единственная нормальная клиника во всей округе. Даже из города приезжают многие, ведь она к каждому животному свой подход ищет.

Дабы не дать сестре свихнуться самой, мы с Мариной вызвались ей помочь. Тем более что нам с Марой несложно сидеть на ресепшене, записывать людей по телефону, заполнять карты и принимать оплату.

Хоть какое-то развлечение между готовкой, присмотром за Давидом и ожидаем его врача.

— Алло, мам, — отвечаю на звонок и жестом прошу Мару взяться за мою работу. Встаю со своего кресла и отхожу подальше от любопытных клиенток, которые уже ушки наострили.

— Звоню сказать, что суд над Ариной перенесли на неделю раньше.

— Ого! — искренне удивляюсь. — А так можно?

— Не знаю, — отвечает она. — Мы с папой уже едем. Заседание через два часа. Адвокат говорит, что его наперёд нас предупредили, и он уже там.

— Ну, удачи, — равнодушно кидаю, представляя этот суд и желая гадине несколько лет тюрьмы. Да, я злая. — Надеюсь, ей хорошо достанется за то, что хотела сделать с Тимуром и сделала с Давидом.

— С последним случайно вышло, — мнётся мама. — Но наказания это не отменяет.

— Держите нас с Марой в курсе. Хорошо? — прошу её.

— Да, — отвечает. — У вас всё хорошо? Ничего не болит?

— Всё отлично, мам, — отзываюсь. — Мы Фиске в клинике помогаем.

— Ладно тогда! Позвоню потом! — и отключается.

Не приняв во внимание происходящее, пересказываю сестре сказанное родительницей. Марину, конечно, новость немного расстраивает, но она понимает, что Арине нужно хотя бы один раз быть по-настоящему наказанной, чтобы она поняла свою вину и больше не творила беспредел.

Безнаказанность плодит следующие ошибки. Родители у нас лояльные с девочками и нас почти никогда не наказывали, не считая запретов на телевизор, гаджеты и встречи с друзьями. Но я не считаю это таким уж наказанием. Всегда найдётся книга, которую можно прочесть.

Второй раз родители звонят лишь через несколько часов. И голос мамы мне не нравится от слова совсем.

— В совокупности ей шесть лет дали, — оповещает она нас с Марой, слушающих её через наушники. — И приписали штраф и моральную компенсацию семье Есенских заплатить.

— Не поняла, — даже из-за стола рабочего выхожу, проигнорировав подходящую к ресепшену клиентку. — Компенсацию?

— Ага, — бросает она и носом шмыгает. — Есенские потребовали. И это почти все деньги, что сейчас есть на наших счетах. Ты же знаешь, что папа затеял строительство ещё одного корпуса академии. Мы туда все вложили. Оставили совсем немного, и... теперь нужно отдать.

— Какого чёрта?! — не понимаю логику происходящего.

— Дедушка отказывается давать хоть рубль. Говорит, сама дел натворила — сама пусть платит, — продолжает мама.

— Правильно!

— Мы не можем так!

— Мам, это ваши деньги! — пытаюсь их разубедить всё платить за Арину. — Вы кредит за неё заплатили. Она жила в своё удовольствие! Пусть сама платит.

— Моральная компенсация висит на всей нашей семье, Алёна! — восклицает мама, и у меня глаза на лоб лезут.

Я, конечно, не сильна во всех этих тонкостях, но разве могут долг одного человека на целую семью повесить? Какое право они имеют?

— Гады! — злюсь на Есенских, но больше на сестру. — Ладно! Я попробую что-то сделать.

— Да что тут сделаешь, Алён? — вздыхает родительница. — Я лишь говорю, чтобы ты не планировала ничего из бюджета семьи. Пока на себя только рассчитывай.

— Ага, — кидаю и выключаю телефон, уже одеваясь и направляясь домой. — Мар, я быстро! Надо с Давидом поговорить. Может, получится что-то новое узнать. И убедить его поговорить со своими, чтобы они долг с семьи сняли. Пусть Арина сама всё платит.

— Только скорее, — просит, кивая на толпу и тайком показав на свой мочевого пузырь, который у беременных совсем слабый.

Мы с сестрой туалет по очереди уже занимаем. Только и бегаем. Анфиска смеётся над нами и предлагает сменить вывеску, чтобы это бы не обычный туалет, а “частный туалет сестёр Громовых”. А посетителей меньше не становится. У нас обед через час должен быть, а мы даже кружки воды ещё выпить не успели.

Вернувшись домой, сразу же иду в комнату Давида, но любимого там не нахожу. Побродив по дому, не нахожу и Тимура, как и его машины.

Решив, что они поехали в магазин по-быстрому, ведь оставили рабочий ноутбук Тимура открытым на столе, решаю дождаться их.

И иду к крану, чтобы выпить воды, ведь и правда Сахара уже во рту. Но до нужного места не дохожу. Потому что рядом с ноутбуком нахожу интересную бумагу.

ДНК-тест. Судя по тексту, проверяли беременную девушку по имени Ирина и предполагаемого отца. И женщина носит плод того, с чьим ДНК сравнивали. И я даже знаю с кем.

Она беременна от Давида.

Ира беременна от Давида.

И он об этом знает.

Давно знает.

Давид играет со мной? Всё это время он играл? Развлекался? Зачем?

Глава 10

Давид

— Мы по записи, — говорю всем женщинам, что сидят перед кабинетом Глеба.

Пользуясь их смятением, заходим с Тимуром внутрь. Следом звучат крики, но нам нужнее, чем им. У нас на кону моё счастье, а у каждой из них ещё как минимум несколько дней до родов.

— За ширму и раздевайтесь, — произносит Кудинов, не поднимая взгляда на нас.

— Полностью или только нижнюю часть? — спрашиваю, и он застывает, медленно поднимая взгляд на нас.

— Парни? — поджимает губы и откладывает шариковую ручку в сторону.

— Раздеваться или так ответишь на наши вопросы? — опускаюсь на стул и с прищуром смотрю на него. На человека, которого, вообще-то, другом и братом своим считал, а он мне свинью подложил.

— Да уж так отвечу, — вздыхает он. — Но у меня пока не все ответы, которые вам нужны, есть, — показывает Громову на стул, и Тимур опускается. — Я накосячил, парни. Ужасно накосячил и сейчас пытаюсь понять — где, и как это исправить.

— Подробнее, — требовательно прошу.

— Ты хот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.